

ELLEN FÄLLEN
ЭЛЛЕН ФОЛЛЕН

Orage
magnétique

Эллен Фоллен

Магнитная буря

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42393635

SelfPub;
ISBN 978-5-5321-0321-4

Аннотация

Подумать только, в какой идиотской ситуации я оказался, благодаря своей похоти. Много лет назад девочка с ангельской внешностью села ко мне на колени и прошептала, что станет моей невестой. Вот когда надо было бить тревогу, но я лишь посмеялся над смелостью слов ребенка. Но не тут-то было, теперь эта чертовка, бывшая девушка моего сына, на которую у меня есть огромные планы. Она проникла в мою жизнь мгновенно, подобрала все пароли к моему разуму, сломала все ключи. Сын думает, что она святая. Но я уверен, что демон живет внутри этой девушки! Кому-то ангел, кому-то чертовка... Но она моя чертовка. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	59
Глава 6	71
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ellen Fallen

Магнитная буря

Пролог

– Поездка займет всего неделю, я очень хочу посмотреть этот остров, – своей рукой Шейла крепко сжимает ручку от чемодана, пока мы ожидаем объявления посадки на ее рейс. – Хаш будет с тобой, не забудь забрать его из школы. Ты знаешь все, что он любит.

Недоверчиво смотрю на нее, странная женщина, лететь непонятно куда, чтобы просто посмотреть на остров. Я тоже не против смотаться отдохнуть, но у меня учеба полным ходом, а тут еще мелкий пацан, который сидит на моей шее.

– Допустим, ты увидишь это место и что дальше? У тебя все равно нет таких денег на его покупку. И неизвестно, когда появятся, – утверждаю я, так как Шейла очень амбициозна, и все, что приходит в ее голову, должно моментально материализоваться.

– Просто не оставляй Хаша одного, ты же знаешь, что он пока еще бестолковый. И ваши видеоигры не делают его более уравновешенным. Как вообще можно воспитывать ребенка, таким образом, ты делаешь из него психа, – тихим голосом произносит она. – Отбой вовремя, никаких фильмов

и тем более девчонок.

Делаю большие глаза, за кого она меня принимает?

– Я слишком уважаю тебя, чтобы оскорбить такими действиями, – обожаю ее улыбку, – кроме того, у меня есть куча порнофильмов, я могу и таким образом обуздать своего...

– Ой, заткнись, Тони. Вот поэтому ребенка и нельзя с тобой оставлять, ты словно антигерой. Пошлый и наглый, стоит оставить вас наедине, и всем места будет мало.

Объявляют посадку на ее рейс, и мы становимся в очередь. Я немного нервничаю, для самолета, которым летит Шейла, это будет первый полет. Не люблю, когда ты бываешь первопроходцем, крепко сжимаю ее руку, от чего она стонет рядом со мной.

– Тони, все будет хорошо. Перестань дергаться, ты наводишь на меня нервозность. И теперь я начинаю думать, что билет, доставшийся мне совершенно случайно, не является удачей. Тем более его было очень сложно приобрести, это как первая поездка на Титанике, – я качаю головой в неведении, что она только что сделала подобное сравнение. – Ты же можешь просто стоять здесь и не ломать мои кости? – бубнит она строго, натягиваю ее кепку на глаза, от чего Шейла фыркает. – Не делай так.

Приобнимаю ее за плечи, наша очередь становится все меньше, а моя тоска по ней все сильнее. Как может быть такая сильная связь с ней? Оглядываюсь, нас окружают в основном пары, все улыбаются, расслабленно готовятся отдох-

нуть и побыть вместе. Мы же с Шейлой как раз наоборот, настолько привыкли быть вместе, что теперь разлука достаточно болезненна. Видимо, в основном для меня.

– Знаешь, я тут подумала, надо привлечь еще спонсоров. Фирма должна расти. Нужны серьезные люди, чтобы капитально укорениться и составить конкуренцию, – говорит она мне на ухо. – Ты мог бы этим заняться, пока меня не будет.

– То есть, пока ты греешь попку на островах, я должен смотреть за мелким, искать варианты и еще и учиться. Не многовато? – смеюсь я. – Женщина, знай свое место. Не думаю, что мы нуждаемся в деньгах. Безусловно, мы не монстры, и сами могли бы быть спонсорами.

Она синхронно повторяет мою мимику и даже чешет нос, как это делаю я. Удивительно насколько мы похожи.

Мы уже стоим у паспортного контроля, я должен отпустить ее руку, но не могу себя заставить. Шейла обнимает меня за плечи, крепко сжимает в своих объятиях до хруста костей и онемения.

– Береги его, я люблю вас, – целует меня в щеку и уходит к представителю аэропорта.

Я отхожу в сторону и наблюдаю за ее действиями, как на прощание Шейла машет мне рукой и исчезает из зоны видимости. Сглатываю ком в горле, я не могу постоянно находиться с ней. Будто сосунок, прилипший к мамке, я держусь за нее, как утопающий за ветку.

Мы много раз летали на старых самолетах, так к чему

эти сопли-то разводить на пустом месте? Остановившись на некоторое время, я смотрю в небо, ясная погода сопутствует полету. Надо выбросить все мысли из головы и спокойно ехать домой, чтобы забрать пацана из школы.

Сажусь в машину и спокойно выезжаю из аэропорта, приятная музыка, и я уже расслабленно двигаюсь в заданном направлении. Я все еще думаю, что ехать именно сейчас не было никакого смысла. Шейла ищет фантом, не более. Спонсоры просто так не найдутся, для этого нужны огромные вложения. Наша фирма еще не способна выкупить целый остров.

Звук сигнала сообщения привлекает моё внимание. Хмурюсь, оно от Шейлы. Она ведь в курсе, что в самолете телефоном пользоваться запрещено? Поток машин слишком большой, и я не отвлекаюсь от вождения. Смотрю на время, они уже пятнадцать минут как в воздухе, лететь примерно пять часов. Делаю тише радио, когда музыку прерывают срочными новостями. На дороге выстраивается целый ряд машин, которые создают пробку, что для этого часа странно. Многие начинают нарушать правила дорожного движения и бесконтрольно возвращаться в аэропорт. Что могло произойти? Хочу развернуться, но меня уже подпирают сзади.

– Черте что, – говорю я сквозь зубы и снова смотрю на время.

Прислушиваюсь к радио, делаю громче, до конца не по-

нимаю, что они говорят. Кажется, о каком-то крушении чего-то.

Когда я беру телефон в руки, всего четыре слова пугают меня до ужаса. Руки начинают бесконтрольно дрожать, когда до меня доходит смысл написанного. Я потерял ее.

«Позаботься о сыне. Люблю».

Глава 1

Беатрис

Забегаю в дом, сбрасываю с плеча рюкзак, вихрем пронесусь мимо ничего не понимающей тёти. На полпути спускаюсь с лесенок и быстрым шагом прохожу на кухню, целую в щёку ошарашенную женщину. За ее спиной беру шоколадный маффин, который еще горячий после выпечки. Выворачиваюсь из объятий, заталкиваю в рот кексик и забегаю по лесенкам в свою комнату. Наскоро пережевываю, пока стягиваю с себя блузку и расстёгиваю юбку клёш. На столике около кровати стоит моя любимая вишневая кола, запиваю. Оставшись в одном нижнем белье, расхаживаю по своей комнате, на ходу танцую под импровизированную музыку, играющую в моей голове. Двигаю телом, напеваю знакомые слова.

– Хаш пригласил меня отдохнуть с ним на каникулах, – беру в руки расческу, провожу по волосам и пою в неё, пока рассматриваю свое тело в отражении. Слегка кривлю губы, когда останавливаюсь, чтобы отрезвить своё разыгравшееся воображение. Я только что чувствовала себя секс-бомбой, но стоит увидеть свое тело в зеркале, сразу становится понят-

но. Я, скорее, крохотная Дюймовочка с маленькой грудью и хрупким телосложением. Вот эти мои тоненькие руки, вытянутые вдоль тела, худенькая попа, которой даже не потрясти, и плоский живот. Я угловатая школьница, а не соблазнительница.

Ладонью беру свою грудь и понимаю – в мужской руке она потеряется. Хотя, твердая однёпочка в восемнадцать лет обещает дорасти до натянутой двоечки. Ну, я где-то читала о таком чуде средстве, на основе слизи улиток...

Хаш пригласил меня, а это значит, почти год, проведенный вместе, может закончиться невероятным сексом, которого, к слову, я жду давненько. Быть девственницей в выпускном классе при самом сексуальном парне школы, это ведь странно? Мы никогда не заходим дальше второй базы, каждый раз он останавливается, как только его пальцы касаются кружева трусиков. Он собирается с мыслями и отходит подальше, его вид напоминает затравленного щенка. Однажды я его спросила, девственник ли он. Смутившись, Хаш отрицательно покачал головой, значит, у него уже был опыт. Так почему же он никак не переступит черту со мной?

– Что ты высматриваешь, детка? – тётя проводит пальцем по уголку моих губ, стирая оставшиеся крошки. – Маленькая воровка, никак не могу научить тебя кушать, как положено. Так что ты рассматривала в зеркале?

Расческа исчезает из моих рук, и я отклоняю голову немного назад, чтобы позволить тёте меня расчесать. Мы

вместе смотрим на моё отражение.

– Ты так похожа на свою маму, такая же хрупкая и тоненькая. А глаза достались тебе от неотразимого отца. Надо же, как интересно гены сыграли на тебе... Что же ты такая расстроенная? – она собирает мои волосы на макушке и стягивает резинкой.

– Я похожа на ребенка с такой фигурой, еще этот голос, – фыркаю, когда тётя смеется надо мной.

– Да ладно тебе, я бы с удовольствием поделилась с тобой половиной добра, – она показывает свои полные ноги и руки. – Но знаешь, у тебя идеальное тело, которое не требует к себе лишнего внимания или физических нагрузок. Кроме того, ты можешь кушать все что угодно, в отличие от меня. Но самое важное, тебе надо ещё немного повзрослеть, и ты станешь невероятно прекрасной девушкой. Округлишься в нужных местах, главное, чтобы здесь, – она легонько стучит пальцем мне по голове, – всё было на месте. Чтобы выбрать идеального.

Оборачиваюсь и крепко обнимаю ее за шею, мне приходится немного подпрыгнуть, чтобы зацепиться. Я люблю ее всей душой, просто не могу назвать мамой, хотя она заменила мне обоих родителей. Человек, отдавший свою молодость и жизнь моему воспитанию. Она могла бы выйти замуж, завести семью, своих детей, но именно по причине смерти обоих родителей я оказалась в этом доме. А тётя обрела дочь своего брата...

– Так у вас с Хашем все серьёзно? – она отстраняется от меня и садится на кровать, пока я надеваю джинсовые шорты и свободную футболку, завязываю ее на узел в районе живота. – Он несколько... как бы это сказать, другого круга...

– Он предложил мне поехать на каникулы в дом его отца, на пару недель, – прищуриваю один глаз. – Я надеялась, что ты разрешишь мне, учитывая, что совсем скоро я уезжаю во Францию, и мы с ним, возможно, уже не увидимся... Кроме того, это будет такая репетиция, как я справлюсь вдали от тебя... Ну, короче, это сегодня...

Тетя вздыхает и поднимается с кровати, отворачивается, чтобы поправить на ней плед. Я знаю, как ей тяжело меня отпустить, но я уже сделала выбор. Я хочу учиться истории искусства в университете Сорбонна. В любом случае время пролетит незаметно, в дальнейшем, возможно, и она захочет пожить во Франции. Все-таки, это её родина, её и моего отца.

– Но ведь там будет кто-то взрослый? Я имею в виду, его родители... – тонкий намек от тёти. – Знаю, что у тебя уже активная взрослая жизнь, м-м-м, парень... Господи, я не сильна в этих разговорах, – она глупо хихикает и прикрывает рот рукой.

– У нас ещё не было секса, – делаю акцент на слове «еще». – Но... эм-м... он когда-нибудь случится. И я точно знаю, как пользоваться презервативами, и да, я пью таблетки, и нет, я не подведу, все будет хорошо.

Мне неловко обсуждать с ней эти моменты, пусть мы на

дружеской территории, но все же. Тётя выдерживает мой взгляд и то, как я обхватываю свои покрасневшие щёки обеими руками. Молча кивнув, она тянет меня за руку, чтобы я спустилась вместе с ней по лестнице на кухню. Пока она разливает чай по стаканам, я отрываю бумагу для выпечки с маффина. Она ставит передо мной чай и наблюдает, подперев щеку ладонью, как я уплетаю вкусности.

– Знаешь, я буду очень переживать о том, как ты там устроишься. И я уже посмотрела квартиру для съёма. Ну, не сказать, чтобы шикарно или апартаменты. Скромный район Парижа. Маленькая квадратура и не совсем новая мебель. То есть, я буду отправлять тебе деньги для оплаты квартиры. Просто пока большее мы не сможем потянуть, ты еще не вступила в наследство. Факультет оказался довольно дорогим, и на моем счету осталось не так много, – смущаясь, говорит она.

– Я посмотрела бакалавр, должна учиться три года, потом могу пойти работать гидом. Устроюсь в какую-нибудь фирму и начну зарабатывать. Это не проблема. Мне бы хотелось, чтобы и ты переехала туда, – честно отвечаю я. – Как только я вступлю в права, все будет хорошо.

Мне все ещё нелегко покидать этот дом, с языком у меня не будет трудностей, но вот чувство одиночества сожрет меня.

– Я так и не поняла, а что потом у вас с Хашем? Ты не выглядишь расстроенной по этому поводу, что он останется

в Америке, а ты уедешь в Европу. Я думала, вы планируете нечто общее, чтобы потом двигаться рядом, нет? – хмурюсь от ее слов, я действительно не особо об этом думаю.

– Он же спортсмен, у него стремления другие. Я увлекаюсь искусством, фотографией, картинами и историей. Хаш – СПОРТСМЕН, – тяну слова, она непонимающе приподнимает брови, ну вот все же понятно разъяснила. – Ну, как тебе объяснить...смотри, всё очень просто: лови мяч, кидай его дальше и беги. Поняла, да?

Она смеется и передает мне еще один маффин.

– Но мы будем на связи всегда, – выкрутилась я.

Тётя переваривает информацию, пока я отламываю маленькие кусочки и смакую момент, когда шоколад изнутри кекса вытекает мне на пальцы. Облизать – это первый порыв, что я и делаю. Смешок, который я слышу, адресован моей импульсивности. Сейчас она придет к какому-то общему знаменателю и убьет меня вопросом. Но вот, например, если бы это был фильм, то мой парень уже бы сигнализировал против моих окон или пел серенады. Но мы в реальности, и я сомневаюсь, что он меня спасет. Да и сомневаюсь, что он мой принц...

– Ты хочешь потерять свою невинность с Хашем, чтобы озаглавить свою взрослую жизнь этим поступком. Уехать в Европу женщиной. Но ты не любишь его, ведь так? – давлую глотком чая, который, к счастью, уже закончился. Разговор перетекает не в то русло, в каком бы мне хотелось раз-

говаривать.

Откашливаюсь, убираю прядь, выбившуюся из прически, и улыбаюсь тёте, пожалуй, самой глупой улыбкой на свете. Я жду, когда машина подъедет и просигналит. Волшебство, приди.

– Я права, – делает выводы тётя, – вот этим ты мне напоминаешь отца. Он тоже любил подобные переходы с одного периода в другой. Знаешь, – она задумывается, потом бьет ладонью по столу, – это твоя жизнь, делай, как знаешь. Ошибки и шишки все будут твои, ты научишься на этом обходить преграды.

Вот в таких моментах это именно моя тётя, добрая, улыбающаяся и безмерно любимая мной. Встаю и снова обнимаю ее за шею. Часто она понимает меня без слов.

Звук сигнала машины, и я закатываю глаза. Вот когда я ждала его, он не появился, а сейчас, когда момент обнимашек, он тут как тут. Несправедливость Вселенной.

– Иди, собирай вещи, – тётя подталкивает меня, чтобы я отлипла от неё. – Я приглашу его в дом.

Я могу ей доверять, ведь она не станет его отчитывать. Поднимаюсь по лестнице, слышу, как он входит и здоровается. Его громкий голос отдает эхом по всему дому. Мне иногда страшно представить, как он орет, потому что уж больше повышать голос просто невозможно.

Хаш как бык, огромный и мускулистый. Его русые волосы подстрижены так, чтобы челка падала прямо на глаза. Ор-

линый нос и глубокие карие глаза. Он выглядит мужественным, при росте в 180 см с огромными мышцами, взрослым так скажем. Перегибаюсь через перила, чтобы увидеть, как он посмотрит привычно вверх. Подмигнув мне, он выставляет пальцы в форме V, пережевывает жевательную резинку. Закусываю губу и со смешком бегу в комнату. Так, он мне говорил, что примерно надо взять. Раскрываю шкаф, исполняя победный танец, когда вижу моё новенькое нижнее бельё. Сдираю бирки и кидаю на кровать. Так, где же я оставила свой чемодан? Оглядываюсь в поисках, естественно, нахожу его под кроватью. Скидываю в него свои самые сексуальные вещи, бикини, даже пару туфель и платьев на случай «если вдруг».

Едва застегнув чемодан, выпрямляюсь, чтобы встретиться лицом к лицу с Хашем. Без стука он входит в мою комнату, громко щёлкнув надутым пузырем изо рта. Молча, поднимает мой чемодан, тянется, чтобы поцеловать меня в щеку, разочарованно подставляю лицо. Он всегда такой воспитанный, когда это, вроде как, и не нужно, но при этом бес тактно зайти в мою комнату – это нормально.

Он выходит из комнаты с моим тяжелым чемоданом в руках. Когда мы уже стоим на пороге, тётя вручает нам корзинку с фруктами и сладостями, и по бутылке воды. Знаю, что все это можно купить по пути, но я не отказываюсь от еды в дорогу. Обняв каждого из нас, она уходит без слов на кухню. Для нее это ответственный шаг, как и для меня. Поэтому

громко кричу «скоро вернусь» и выхожу за дверь. Хаш укладывает чемодан и садится в машину. Я снова кривлюсь его бестактности. Выдерживаю несколько минут – жду, вдруг до него дойдет выйти и открыть для меня дверь, но он устоял в свой телефон и совершенно не замечает меня. Поганец! Оглядываюсь на окно, шторка на котором дергается, тётя, наверняка, сейчас разочарована им и мной.

Сажусь в машину, пристегиваюсь, отворачиваюсь от него.

– Ты чего разозлилась? – спрашивает он меня, слегка коснувшись пальцами моих скрещенных на груди рук.

– Ты такой деревянный периодически. Кажется, кроме телефона ничего не замечаешь. Дай я почитаю, что ты пишешь и кому? – тянусь, чтобы забрать смартфон, он уклоняется и убирает его в карман джинсов. – Я могу подержать, не переживай. Что ты скрываешь?

Хаш отодвигает мои руки и заводит машину. Он водит безобразно, если сказать честно, то никак – любовь к скорости и бесконечная перестройка из одной полосы в другую. Нащупываю ручку, чтобы держаться, пока он выберет нужный для себя темп.

– Ты иногда такая вредная. Я просто хочу несколько недель отдохнуть и побыть с тобой. Потом каждый из нас пойдет своим путём. Ты выбрала Францию, но знаешь, это не мой выбор. На кого я там буду учиться? На медика? – он скидывает руки, бросая управление. – Ты видела эти руки? Ими только ломать, а не собирать.

– Управляй машиной, пожалуйста. Я согласна, что во Франции тебе делать нечего. Но спорт – это тоже не вариант. Там столько травм. Выбери что-то по уму. Или ты идешь туда, чтобы Эдсона не подставить? – я знаю, что их связывают очень хорошие дружеские отношения с этим парнем, он ему как брат.

– Причем здесь Эдсон? – он хмурится, вытаскивает жевательную резинку изо рта и выкидывает в пепельницу. – Он просто друг.

Приподнимаю брови, что он сейчас этим хотел сказать?

– Да вас, парни, не оторвать друг от друга, о чём ты? – отвечаю ему с насмешкой.

Издеваться над ними двумя стало моим самым любимым развлечением в школе.

– От тебя меня тоже не оторвать, но ты друг с привилегиями, – он сжимает мою ладонь и подносит к губам для поцелуя.

– Ну да, Эдсон точно не может получить такие привилегии. Это было бы странно. Хаш и Эдсон – пара, – смеюсь я, когда мой парень делает вид, что не слышит меня. Его лицо немного побледнело, но он не ругается со мной, когда я так шучу.

– Это всего лишь шутка, Хаш, расслабься, – закидываю ноги на консоль и устраиваюсь поудобнее. – Дави на газ! – кричу я, когда включаю музыку на всю мощность.

Смеюсь над своими мыслями, представив, как два спор-

тивных парня лапают друг друга, занимаются сексом... Бред всякий лезет в голову. Откровенно говоря, Хаш классный парень, и мне льстит, что он со мной. И, естественно, тётя права, я хочу переспать с лучшим парнем школы, вдруг потом на меня никто больше не посмотрит. А этот вариант мне кажется невероятно крутым. Я и популярный парень. Надеваю солнечные очки на глаза и откидываюсь в кресле. Отдых, жди меня, я уже еду.

Глава 2

Энтони

– Я женился, потому что хотел ее, а сейчас она выносит мой мозг по полной, приставляет дуло пистолета к виску и стреляет, – Дженсен имитирует пальцами выстрел и откидывает голову назад. – Как с ней справляться, я не знаю. Ты же у нас бабник со стажем, так что давай, расскажи мне, что я делаю не так?

Усмехаюсь его словам, он слишком хорошо меня знает, и все же, он упускает пару деталей.

– Начнем с того, что я не собираюсь жениться на малолетке или бегать за девушками, которые вызывают у меня оскому с первой встречи. И ты знаешь, что окольцевать меня – подобно трагедии, причем, именно для избранницы, – устало тру шею и усаживаюсь в кресле поудобнее.

Дженсен нервно передергивает плечами, не совсем это он ожидал услышать. Но зная меня, ему не сложно было бы предположить, что я могу предоставить для ответа.

– Все равно однажды это произойдет. Я посмотрю, как ты будешь страдать. И не буду сидеть около твоего растерзанного тела, подтирая сопли, как мамочка, – он встает и идет к

бару, встроенному в стену, поднимает вверх бокал, на что я отрицательно киваю головой. – Ну, как хочешь. Так что бы сделал наш Казанова?

Расписываюсь на последних документах и закрываю папку. Сортирую все по стопкам, мысленно ставлю галочки на том, что я еще не сделал. Одиноко лежащие документы, отложенные в сторону, будто призывают меня закончить начатое. Но я тяну время, чтобы с удовольствием заняться этим наедине. Я не любитель показывать эмоции даже перед другом.

– Тони, просто выскажи свои гребаные мысли, покажи другу, как взять ее характер в оборот и не остаться в дураках, – он отпивает виски из бокала и задумчиво смотрит на кубики льда, тающие на дне.

– Пусть отдохнет от тебя пару недель, может месяц, трах-нет неудачника, который, в итоге, окажется хуже тебя, – поправляю запонки на рукавах своей рубашки. – И сам трахни кого-нибудь еще, для сравнения. Может не все так прискорбно, как ты описываешь.

Поднимаю на него взгляд, и встречаюсь с покрасневшей от гнева мордой друга.

– Ты вообще в своем уме? Она моя жена! – возмущается Дженсен.

– Как будто это проблема в наши дни. Пару бумаг, ваши подписи, и живите вы в свое удовольствие поодиночке, – поджимаю губы и жду, когда он уже свалит отсюда быстрее,

чтобы я мог закончить дела на сегодня и отправиться домой. – Заплати кому-нибудь, я не знаю. Пусть он покажет твоей жене, какой он урод, вынесет ей мозг. А потом придешь ты, как рыцарь в сияющих доспехах, и спасешь ее из лап зверя.

Дженсен громко стучит бокалом об стол, поднимается и идет к выходу.

– Ты чертов псих, и такое уже было в фильме. И заметь, она выбрала уродца, который ее бесил, – закрывает со стуком дверь, а я спокойно беру папку в руки и рассматриваю отчеты о проделанной работе.

Не так давно закончилось строительство бунгало для элитных туристов в Накула. Именно этот остров самый, отдаленный из всей группы островов на Фиджи. То, что туда практически не ступала нога человека, обеспечило мне чистые пляжи и девственную красоту природы. Изначально я планировал общежитие, в котором будут располагаться туристы, в виде большой хижины общей вместимостью до ста восьмидесяти человек. Но потом я как представил, что они сотворят с островом, и насколько он будет засорен, и вопрос отпал сам собой. В итоге я пришел к решению, что это дорогое удовольствие для элитных клиентов, тех, кто хочет насладиться красотой Фиджи и отдохнуть. Поэтому, на месте рядом с пляжем расположились бунгало, вместимостью до двух человек каждый, то есть, такое романтическое место для пар. А также маленькое кафе, где они смогут позав-

тракать и послушать приятную этническую музыку, поплавать в океане и расслабиться, лежа на шезлонгах. Вечером же их будет ждать приятная атмосфера небольшого ресторана с блюдами от шеф-повара.

Конечно, проект встал мне в копеечку, все эти дорожки из камня, строительство и прочее. Но это моё очередное детище, и мне, как создателю, интересно, будет ли спрос. Пляж закрытый, поэтому удовольствие не для каждого. Рассматриваю фотографии и отчеты с места работ, я был там буквально пару дней назад, остались последние штрихи. Дизайнер по интерьеру в данный момент трудится, строители получили свои деньги, а я просто хочу принять душ и нормально выспаться.

Ремонт в квартире выселил меня и сына в загородный дом, пусть и временно. Но эти перестройки в жизни и нашем жилище изрядно вытрепали мои нервы. Мы с Хашем не видимся в последнее время, я стал отцом только по названию. Пока он учится, я вижу только его результаты на бумаге, а сам не принимаю никакого активного участия. Он говорил мне про какие-то изменения в его личной жизни, хотя долгое время он был постоянно один, что очень странно для восемнадцатилетнего парня. Я в его возрасте таскал девушек по гостиницам и трахал так, что потом было сложно ходить не только им. Он же как монах – отработав на поле, развлекался с друзьями, и не одного стога из комнаты моего сына не доносилось за весь период его взросления.

Закрываю папку и кладу ее в стол, снимаю с вешалки свой пиджак и надеваю. Выхожу из своего кабинета, верчу в руках ключи от дома. Несколько минут по пути к машине я размышляю над тем, чтобы поехать к Селене, расслабиться с ней. Но моя проблема в том, что даже самая искушенная любовница уже приелась, а заводить новую сейчас я не вижу смысла.

– Мистер Уилсон, доброй ночи. Куда вас отвезти? – мой водитель терпеливо сидит и смотрит на меня через зеркало заднего вида, когда я сажусь в машину.

Несколько минут взвешиваю, что я хочу сейчас больше – секса или поспать.

– Давай на Харбор, время позднее. Ты можешь, как всегда, остаться ночевать в домике для гостей, – говорю ему и проверяю на телефоне сообщения, пришедшие за то время, пока я был занят.

Как я и ожидал, Хаш уже приехал в дом и обосновался в своей комнате. Пару сообщений от Селены, которая становится все более навязчивой. Меня передергивает от одной мысли, что может себе вообразить такая женщина, как она. Женские истерики не переношу со времен мамы, которая профессионально трахала мозг отцу. Это выглядело так, что нам с сестрой хотелось бежать из гостиной в комнаты и заткнуть свои слуховые проходы ватой. Набить их до предела, лишь бы не участвовать в этом выносе мозгов. Я не стал хлебать из общего сосуда, сделал для себя вывод, и теперь,

если женщина начинала «думать», мы прощались.

Откидываю голову на подголовник и устало закрываю глаза. Привычным движением руки растягиваю галстук до такой степени, пока он не начинает свисать с разных сторон двумя полосками. Расстёгиваю четыре верхние пуговицы и с удовольствием дремлю остаток пути до дома. Тихий скрежет гравия под шинами извещает меня о том, что мы практически подъехали.

– Мне завтра отвезти вас в аэропорт? – едва я открываю глаза, как водитель привлекает моё внимание.

– Да, время я тебе сообщу позже. Возможно, Хаш поедет со мной, – отвечаю ему, машина останавливается, и я тянусь к дверной ручке, чтобы открыть.

– Мистер Уилсон, с днем рождения! – непонимающе смотрю на коробку в руках моего водителя. – Уже полночь. Каждый год, именно в этот день, вы работаете допоздна, и я решил не изменять традиции.

– Спасибо, – усмехаюсь я и открываю подарок. – Это что-то конкретное, в этом году ты превзошел себя, старина, – разрываю остатки бумаги и открываю крышку подарка. – Кокос? Ты думаешь, я любитель кокосового напитка?

– Согласно легенде, которую рассказывают на Таити, первая кокосовая пальма выросла из головы угря по имени Туна. Когда богиня луны Хина влюбилась в угря, ее брат, Мауи, убил его и сказал ей, чтобы она закопала рыбью голову в землю. Девушка так и поступила. Через некоторое время на той

могиле появился росток, который, щедро поливаемый слезами, быстро вымахал в пальму неведомого сорта. Между тем, Хина обнаружила, что беременна. По мере того, как росток набирал силу, рос и ребенок в ее утробе. В положенный срок она родила сына, который научился ловко лазить по пальме и доставал с ее вершины лохматые орехи. Это и были кокосы, – наизидательно говорит он. – Кокосовая пальма была даром убитого. Как память о его любви.

Пожимаю его руку, перевариваю в голове смысл сказанного, все эти «убитый» и «убиенный». Кокос в моих руках... Метафоры очень сложно понять на тяжелую голову, но я благодарен за подарок. Еще раз говорю спасибо за поздравление и машу рукой на прощание водителю, прижимая одной рукой к груди тяжелый кокосовый орех, который является головой... угря?

Окна дома встречают меня мрачной темнотой, поднимаюсь по ступенькам, открываю двери и нажимаю пароль сигнализации. Хаш в очередной раз не думает о безопасности, завтра надо не забыть провести экзекуцию по этому поводу. Жаль, что я однажды не привел в жизнь свой план, возможно, сейчас поганец знал бы, что значат эти несколько кнопочек.

По пути оставляю на столешнице кокосовый орех. Снимаю пиджак, расстёгиваю оставшиеся пуговицы и вытаскиваю рубашку из брюк. На кухне включаю приглушенный свет и наливаю себе стакан мохито. Освежающий напиток рас-

слабляет моё уставшее тело. Слышу тихий всплеск воды в бассейне, закатываю рукава белой рубашки до локтя и иду туда, откуда доносятся звуки. Перед входной дверью снимаю мокасины и застываю в проеме.

В темноте террасу освещают лишь лампы подсветки бассейна и больше ничего. По направлению ко мне на спине плывет абсолютно голая женская фигура. Мои губы растягиваются в улыбке, такое зрелище ни один мужчина не захочет пропустить. Небольшая грудь дерзко торчит из воды, в то время как очаровательная девушка не замечает своего наблюдателя. Чем дольше, кстати, тем лучше. Спокойным шагом я прохожу к шезлонгу, на котором остались её вещи, убираю их в сторону и сажусь на него. Интересно, это новый метод вандализма от моих соседей? Иначе откуда появиться девушке здесь? Хаш никогда не приводил девушек. Кроме всего прочего, если бы она была с ним, то, где он сам?

Оглядываю территорию, откуда могла проскочить чертовка. Небольшой участок по краям подсвечен. Маленькое дерево, стоящее в крайнем левом углу с парой сломанных веток, вполне могло стать местом преступления. Автоматически беру в руки ее стакан, отпиваю. Вкус вишневой колы и рома, пожалуй, самое безвкусное сочетание напитков, но ей оно идет. Рассматриваю запотевший бокал. То есть, она проникла в мой дом, налила себе напиток и пришла отдыхать сюда, пока мой балбес сын забыл включить сигнализацию. Вот за это он получит по шее. Хорошо еще пришла сосед-

ская девчонка, а не убийца с топором.

Сладкая плутовка становится ногами на дно бассейна, закидывает руки назад и проводит ими по мокрым волосам. Интересно, какого они цвета? Несколько раз моргаю, если она сейчас обернется, то я буду пойман за созерцанием плутовки. Но она на моей территории, поэтому имею право.

Девушка несколько секунд стоит ко мне спиной, вытягивает руки вверх и ныряет в воду. Я привстаю, чтобы посмотреть на ее аккуратную круглую попку. Складываю губы трубочкой и выдыхаю весь воздух, находящийся в моих легких. Это совершенное тело маленькой девушки, соблазнительные формы... Как же я хочу увидеть, так ли она красива спереди, как и сзади?

За несколько глотков выпиваю ее напиток, даже не поморщившись от сладости. Кажется, пора встретиться с ней лицом к лицу, утонченные черты которого рисует моё воображение. Судя по кистям рук, она не в моем вкусе, слишком тоненькая и хрупкая. Но в ней есть очарование, при мне еще девушки так нагло не вели себя. Аккуратно поднимаюсь с шезлонга и медленно иду вдоль бортика бассейна навстречу девушке. Она растягивает удовольствие, погружается с головой в воду и снова выныривает, я же не могу отвести от нее глаз. Кажется, я даже задерживаю дыхание, когда она снова ныряет под воду и плывет, пока я не останавливаюсь на том месте, где она должна появиться. Приседаю на корточки, когда ее голова выныривает из воды. Пальцами она убирает ка-

пельки с лица, тщательно вытирает глаза, прежде чем их открыть. Я же вижу прекрасные черты лица, маленький носик, упрямый подбородок и кукольные губы девушки. Но больше всего меня интересуют глаза, которые пока закрыты. Но стоит им открыться, как тело малышки дергается, в огромных глазах непонятного цвета мелькает паника, страх и еще что-то... Она отпускает бортик, отталкивается назад, чтобы сбежать от меня...

– Nique ta mere (Твою мать), connard (кретин), – восклицает она, когда я хватаю ее за руку и тяну ближе к краю. – Ты кто такой?

Мои брови приподнимаются от такой наглости. Она сейчас серьезно решила ругаться по-французски и делать вид, что это я покушаюсь на ее имущество?

– Мне кажется, ты перепутала свое место дислокации, пчелка, – намекаю на ее острые словечки, произнесенные ранее. – Ты кого-то потеряла?

Она оглядывается, сдувая капельки воды, замершие на ее покрасневших губах, пока я созерцаю ее тело, рассматриваю нежные холмики груди и ярко-розовые соски, все еще погруженные в воду бассейна. Приподнимаю ее за локоть повыше и вижу идеальной формы грудь. Только сейчас я понял, что меня интересовала ее вторая база больше первой. С другой стороны ее освещает только бассейн, лица практически не видно. Притягиваю ее ближе, приподнимаю над кромкой воды и целую. Это нечто животное, магнетическое! Я не вижу

ее лица, это как мощнейший выброс адреналина, когда кровь гудит в висках, только от одного запаха тела девушки. Интуитивно смакую ее медовые губы, провожу по ним языком. Губы девушки приоткрываются, и я чувствую ее сомнения, нагло толкаю свой язык в ее рот. Горячая волна охватывает мое тело, когда она отвечает на мой поцелуй. Вытаскиваю ее из воды и пытаюсь снова поцеловать, но она меня отталкивает.

– Что ты творишь, придурок? Отвали! – бьет меня в живот кулаком, когда я начинаю тихо смеяться. – Я сейчас буду звать на помощь! Мне больно.

Я возмущен таким отношением к себе, ее ладонь прикладывается мне по лицу, и тогда я просто скручиваю одну из ее рук. Она шипит и вырывается, пока тащу наглую смутьянку к шезлонгу, где лежат ее вещи. Пусть тащит свою задницу домой, раз такая недотрога. Но мои губы все еще хранят на себе ее восхитительный вкус. Ну что же, не судьба сегодня.

Щипает меня за бок, и я скручиваю теперь и вторую ее свободную руку в локте, ставлю перед собой и заставляю прогнуться в спине. Рассматриваю ее фигуру сзади, пока она бурчит что-то на французском. Мы останавливаемся у шезлонга, я швыряю ей в лицо вещи и жду, пока она оденется. Она было дергается, чтобы ответить мне ударом, но вовремя останавливается. Я уже начинаю вскипать от ее наглости. Под моим чутким наблюдением она натягивает шорты и какую-то майку, растянутую во все стороны.

– Быстрей давай, – подгоняю ее. – Ты же не думала, что я оставляю тебя здесь, пока будешь пачкать мой бассейн.

– Пачкать бассейн? Да ты заносчивая старая задница, мистер. – я официально шокирован от таких слов, кажется, у меня выпал глаз и поджались яйца.

– Вали нахрен отсюда, чучело, – беру в руки ее сандалии и тащу к той стороне забора, где примята трава.

Она упирается пятками в лужайку, пытается кричать. Закрываю ей рот ладошкой, и она меня кусает со всей дури.

– Ты больная идиотка, – рычу я, обхватываю ее маленькое тело и подсаживаю на каменный забор с соседкой стороны, которая немного освещена.

– Ты чего творишь, придурок? Я же, ай... – подталкиваю ее попку за забор и скидываю к соседям.

– Обувь не забудь, – перекидываю ее обувь через забор и спокойно иду назад к шезлонгу.

– Надеюсь, моя слюна ядовитая, и ты сдохнешь через пару часов, – кричит она в ответ.

Усмехаюсь снова ее словам, рассматриваю урон, нанесенный моей ладони, своими маленькими зубками она сделала мне больно, но не смертельно.

Захожу в дом и наливаю себе ром, добавляю пару кубиков льда и снова выхожу на террасу. Мне интересно, что же она делает там? Пошла домой? Так почему собаки разоряются? Делаю глоток и не свожу глаз с того места, где я совсем недавно ее скинул. Деревья шевелятся, но она со своим ро-

стом не дотянется. Некоторое время слышу, как она ругается на французском языке, улыбаюсь, когда представляю, как она взбешена. Мне нравятся темпераментные девушки, но это больше подошла бы моему сыну...

Оглушительный вой сирены у соседей, свет включается по всей территории. Оставляю бокал и иду к краю забора.

– Не отпускайте собак! – кричит она. – Я пришла с миром.

Меня разрывает от смеха. Что эта дурочка придумала и почему она своим...

– Пап, привет. Что за шум? К соседям кто-то забрался? – Хаш оглядывается по сторонам, растирает заспанные глаза пальцами, как в детстве. – А где Беатрис?

– Кто? – оглядываюсь вместе с ним на шезлонги.

Слышу вой приближающейся сирены полиции, грубый мужской голос и писклявый девчонки. Вся эта шумиха, и я уже не понимаю, кого мы ищем.

– Хаш! – кричит смутьянка через забор, наверняка вырвавшись из рук хозяина, судя по ругательствам, доносящимся с той стороны. – Спаси меня!

– Ты эту Беатрис ищешь? – большим пальцем руки показываю на соседский забор, когда в глазах моего сына непонимание сменяется паникой. Он срывается с места и бежит к соседям.

Первая девушка моего сына, и я выкинул ее через забор к соседу. А что, отличное начало...

Глава 3

Беатрис

Время четыре часа утра, а мы с Хашем сидим на диване в одинаковых позах, скрестив руки на груди. Положив ногу на ногу, я нервно дергаю ступней. В данный момент мы ждем человека, который, собственно, и виноват во всем случившемся. Сигнализация наделала столько шума, я уже не говорю о полиции, прибывшей на территорию. Как будто я какая-то опасная террористка, захватившая чужую частную собственность. Если бы этот придурок не перекинул меня через забор, всего этого можно было бы избежать.

Шиплю, когда болячки на моих коленях начинают еще больше саднить. Если бы он нормально посадил меня, а не скинул просто за забор, как кусок дерьма, я бы так не ударилась. Кошусь на Хаша, сидящего рядом, он надулся еще хуже прежнего. Все мои объяснения были остановлены неизвестным мужчиной-зачинщиком. Ну, на тот момент это так выглядело. А сейчас-то я знаю, что «старая задница» – это и есть отец моего парня. Прикусываю себе язык от безысходности, вот сказала же на свою голову. Подумать только, наша первая встреча и настолько ужасная, впечатления незабыва-

емые, на всю жизнь хватит.

Щелкает входная дверь, и я вытягиваюсь в тугую струну. Мне так и не удалось его толком рассмотреть, пока мы стояли у бассейна. Он был мертвенно-бледным и искаженным из-за отблеска воды. Далее, в момент моего «ареста» полицией, он постоянно стоял спиной и разговаривал с вершителями правосудия, пока я зализывала свои раны, ну, конкретно те, которые на коленях. Что уж он им объяснял, неизвестно.

Звуки приближающихся шагов раздаются все ближе, и я чувствую себя, как жертва в фильме «Челюсти» – основная мелодия и её пресловутое «тата, тата, та-та та-та» извещает о прибытии не простой акулы, а огромного мегалодона. С дьявольской улыбкой он становится перед нами, вытягивает свои руки вверх и цепляется за косяк, будто сейчас начнет подтягиваться.

– Ну, что же, преступники, сейчас буду бить ваши задницы, – едко произносит он, от чего я возмущенно фыркаю.

Он делает вид, будто ничего не слышал, и сразу обращается к моему парню, покрывшемуся красными пятнами на скулах.

– Вот скажи мне, Хаш, о чем ты думал, когда не поставил дом на сигнализацию? Хотя, не надо, я и так знаю, что ты мне ответишь, – его взгляд устремлен не на сына, а только на меня, поэтому я вжимаю свое тело в диван сильнее. – А вас, мадмуазель Беатрис, я прошу не портить мои кожаные диваны. Хватает сломанных веток дерева.

Я захлебываюсь от возмущения, хочу дать ему отпор, но рука Хаша сжимает с силой мою ладонь. Он опустил голову вниз, видимо, в их семье не принято огрызаться отцу. Но не в моей же?!

– Вы знаете, что это не так! – шиплю я.

– Что именно? То, что дети до трех лет и кожаный диван не совместимы? Так, судя по мокрому пятну от вашей... – он специально замолкает, наверняка подбирает слово, – одежды, оставленному вот здесь, – тычет пальцем на мою попку. – Возраст не имеет значения. А что до вашего полета к несчастным соседям... – он подходит ближе, и я вижу его пронзительные серые глаза с серебристыми радужками. – У вас есть секреты от моего сына?

Мое тело покрывается мурашками от его голоса, к лицу приливает кровь. Чтобы скрыть свое возмущение или смущение, я опускаю низко голову и, в который раз, прикусываю себе язык. Он помнит наш поцелуй и то, что я на него ответила. Господи, да это была чистая авантюра. Я не знала, что он его отец. Хотя, от этого не легче! Подумать только, я целую незнакомого мужика абсолютно голая, пока мой парень спит. Что я за идиотка такая? Но в свое оправдание могу сказать, он нереально целуется. Хаш даже рядом не стоял. Я была готова у-у-ух...

– Вы мне так и не ответили, у вас есть тайны? – снова смотрю в его пытливые глаза, их блеск напоминает бриллиантовую россыпь камней, он просто ослепляет меня своим

взглядом. – Что же тогда произошло с вами, «милая», что вы оказались за пределами нашей территории?

Да, он, издевается! Провожу рукой по волосам, убирая локоны с лица, поворачиваю голову в сторону и смотрю на Хаша.

– Детка, мне тоже интересно, что произошло. Я вообще ничего не понимаю, – ну да, помог он мне, как же.

Моя надежда тает с каждой секундой, пока эта обезьяна в криво застегнутой белой рубашке, абсолютно босоногая, смотрит на меня и пытается спрятать улыбку. Чувствую, я нормально так вошла в семью, слилась с их обществом. Даже с соседской собакой познакомилась. Пытливый взгляд прожигает дыру на моем лице, поэтому начинаю импровизировать на ходу.

– Ты сказал, что сегодня очень устал, а мне было недостаточно, – показываю ему кавычки и намеренно намекаю тупо на «секс» перед его папашей, чтобы он не сиял, как новенький пенни от радости. – И я пошла в бассейн, мне очень хотелось расслабиться. Но проблема заключалась в том, что я не нашла, где включить свет на террасе. И поэтому... – отчаянно надуваю щеки, ничего не лезет в голову, рука зависла в воздухе с крепко сжатым кулаком.

– И каким образом ты оказалась на той стороне забора, я не могу понять? – долбаный Хаш хмурится и загадочно смотрит на меня.

Несколько раз моргаю и глажу свою окровавленную ко-

ленку. Сейчас я просто должна сказать правду своему парню, и плевать на его отца.

– Я напугал ее, возможно, – ошарашено оглядываюсь на его отца, который теперь сидит напротив нас в кресле. – Я подъехал с другого входа и нигде не стал включать свет.

Он кивает головой, вроде как я должна продолжить его сказку о нашем знакомстве.

– И-и-и... эм-м... я купалась, потом услышала странные звуки, мистический шорох, – я понижаю голос для театральности под прищуренным взглядом обоих мужчин, резко соскакиваю с дивана, и они оба дергаются всем телом. – А потом БАМЦ! И будто удар тока, разряд по телу. Я выскочила из бассейна и побежала к той стороне забора. Было темно, и едва вскарабкавшись коленями, – указываю на кровь, – я потеряла равновесие и перелетела через забор...и сидела там тихонько, как мышка, пока не придет полиция.

Отец Хаша начинает задорно смеяться над моей выдумкой, подносит кулак к губам, несколько раз откашливается, пока лицо его сына, тупо уставившегося на меня, выражает самое глупое состояние человека – прострацию.

– Удар током? Тебя подсветка долбанула или что? – он переводит взгляд на отца. – Там может коротить подсветка? Ее же могло убить.

Не знаю, о чем думает эта напыщенная задница, но мне кажется, он не так интерпретировал мои слова. Сейчас он доволен моим рассказом, кладет свою лодыжку на колено и,

наконец, отрывается от созерцания меня.

– Не знаю, я завтра вызову мастера, пусть проверит, возможно, есть какие-то неисправности. Но, слава богу, твоя «де-вуш-ка», – он выделяет каждый слог, – осталась жива после удара током... «Разрядом по всему телу». А теперь я предлагаю пойти всем спать, день выдался длинный, а ночь еще более насыщенной. – Он трет ладони друг о друга и встает с кресла.

Хаш подает мне руку, потому что едва пару минут назад я успела усадить свою пятую точку на диван. Оглядываюсь, чтобы посмотреть на действительно гигантское мокрое мятно на темно-коричневом кожаном диване. Ничего страшного, высохнет. Внезапно чувствую потребность выпить стакан воды перед сном. Мы с Хашем доходим до лестницы, и я останавливаюсь.

– Я хочу пить, после такого стресса во рту пересохло, – надеюсь, что он пойдет со мной, но у него, видимо, свои планы.

– Ты же знаешь, где моя комната, свет везде горит, думаю, не ошибешься, – а, ну, зашибись, парень оставил меня на съедение своему отцу.

Смотрю вслед удаляющейся мощной фигуре, несмело оглядываюсь. Меньше всего мне хочется сейчас наткнуться на человека, целовавшего меня пару часов назад. Очень тихо крадусь на кухню, ударяюсь об островок стола, пока щупаю кнопку для включения света. Теплая рука накрывает мою, и я действительно получаю удар тока, от чего отшатываюсь в

сторону. Свет загорается сам по себе, и я оказываюсь лицом к лицу с мужчиной.

– Не крадись в этом доме, опасно, – приглушенно произносит он. – Интересная история, кстати, – делает ко мне шаг. – Основательно продуманная и темпераментная, – еще шаг. – Но особенно мне понравился момент, когда по тебе прошел мощный разряд, – его голос становится все более вкрадчивым, а я зажата у стены на кухне.

– Интересно, что же ты придумал для соседей и полиции? – с интересом разглядываю его лицо, шею, плечи и открытый моему вниманию накаченный торс. – Учитывая, что твоя рубашка застегнута впопыхах через одну, а мокасины все еще стоят у двери бассейна, моя теория верней твоей.

Он наклоняется к моему уху, я чувствую, как вена на моей шее пульсирует, звоном отдает в уши давление, возрастающее, между нами.

– Да и ты в данный момент забыла детали, – его пальцы как бы невзначай касаются моих голых сосков, прикрытых только тоненькой футболкой, они мгновенно напрягаются. – Это то, зачем я вернулся.

Перед моим лицом возникает нижнее белье, которое я оставила на шезлонге, перед тем как пойти поплавать.

– Спокойной ночи, Беатрис, – он отходит от меня на несколько шагов, когда я едва не стекаю по стенке кухни. Он оглядывается, и я вновь сосредотачиваюсь на нем. – Меня зовут Энтони. И, кстати, на мою задницу ещё никто не жа-

ловался. Ну, это тебе так, к сведению.

Он уходит и прикрывает за собой дверь, когда я лужицей растекаюсь на пол кухни. Кафель холодит мою воспаленную от приключений задницу и немного отрезвляет после такой напряженной сцены. Этот мужчина не знает границ, и клянусь, я чувствую себя жертвой, когда он настолько близко. Но в то же время, на расстоянии я уверена, что могу дать ему пинка под зад, да такого, что он еще долго будет вспоминать.

Едва дотянувшись до столешницы, я поднимаюсь на ноги, все еще трясущимися руками наливаю себе воду и с жадностью выпиваю за несколько глотков. Облокачиваюсь на столешницу и несколько минут рассматриваю мозаичный рисунок на стене. В стекловолокне, начищенном до идеала, вижу своё отражение. Белье все еще находится в моем крепко сжатом кулаке.

Кажется, теперь я точно вляпалась в такое болото, из которого не выбраться, и сексуальные каникулы не выглядят уже такими радостными и перспективными.

Собираюсь с силами, так и не нахожу кнопку выключателя, тихо прохожу по винтовой лестнице в коридор. Свет постепенно гаснет по мере того, как я двигаюсь. Я постоянно ловлю себя на мысли, что жду, когда Энтони появится за моей спиной и напугает меня до смерти.

Без стука захожу в комнату Хаша, предварительно засовываю белье в карманы шорт. Он лежит на своей половине с включенным светильником. Обе его мускулистые руки под-

няты вверх, прикрывают веки от света. На носочках я подхожу к одному из шкафов и вытаскиваю нежно-розовый шелковый пеньюар. Прохожу мимо него в душ и наскоро смываю со своего тела хлорку. Прислушиваюсь к звукам в доме, пока расчесываю волосы, которые тщательно сушу полотенцем. Бросаю скептический взгляд на свое отражение в зеркале и иду спать. Замечаю, что в ванной нет выключателя, как, впрочем, и во всем доме... Шарю руками по стене, выглядываю туда и обратно, пока до меня не доносится голос Хаша.

– Хлопни в ладони, – сонно говорит он. – Один раз. И давай, дуй ко мне. Я уже все приготовил для того, чтобы обрабатывать раны.

Хаш ерзает по кровати, скидывает с себя покрывало и идет ко мне. Заботливо подкладывает под мою спину подушки, а сам садится на пол, рассматривает мои ссадины, цокает.

– У тебя еще на бедре рана, ты летела боком, а приземлилась на колени? – спрашивает он.

Эх, знать бы мне, меня же просто посадили и подтолкнули. А там уже видимо дело гравитации. Голова перевесила, задницы-то нет.

– Я сильно напугалась и... Оу, Оу, Боже мой! А-а-а! – стою я во все горло. – Быстрее, Хаш! Прошу тебя! – все, что я успеваю произнести и дую ему в лицо, чтобы он дул на мои колени.

– Так лучше? – произносит он своим громким голосом,

продолжая дуть на моё израненное тело. – Я буду нежней, только скажи.

– Да, да, лучше, еще немного, Хаш, – у меня низкий болевой порог, а чем уж он прижал открытую рану, я без понятия, что за ужасное лекарство?

Откинув свое тело на подушки, я тяжело дышу, слезы кажутся из глаз. Мне действительно больно, еще и ситуация сама по себе обидная, меня, словно нашкодившего котенка, выкинули, потом вернули и принудили лгать. Теперь я сама себя не понимаю.

– Я закончил, – произносит Хаш и приподнимает мою ногу как бы в подтверждение, что он сделал все необходимое, даже забинтовал. Аккуратно поднимает меня на руки и укладывает на свою сторону, закутывает в простыню моё искалеченное тело. Мне кажется, или он доволен? Мой парень моет руки, вода льется так, будто он намыливает перед сном свои яйца, а не ладони. Я хочу, чтобы он меня обнял, секса теперь явно не будет. Он так меня забинтовал, что я не могу согнуть ноги в коленях, практика мумифицирования – вот куда ему надо идти учиться. Хаш останавливается перед кроватью и оценивает, куда ему проще лечь, следующее, что он делает, ставит меня в тупик.

– Ты можешь класть на нее свою больную ногу. Когда у меня была спортивная травма, я так и спал с подушкой под коленом. – Он кладет подушку, между нами, сам ложится на живот.

Что это, мать твою, такое? Он боится меня касаться, последнее время поцелуи превратились в братские чмоки.

– Что не так? – спрашиваю его в лоб, он заставляет себя повернуться ко мне. – Ты избегаешь меня. Я не знаю, кто я тебе, понимаешь? Для чего мы оба спим здесь? – говорю это шепотом.

– Я просто устал, давай поговорим об этом позже? Ты не торопи события. У нас все хорошо. Ты мне очень нравишься, – он проводит по моим волосам рукой и снова отворачивается. Хлопаю в ладони с психом, и свет гаснет.

И что это все значит? Его папаша прижимает меня дважды за сутки, а от его сына за целый год я добилаь всего только нескольких действительно горячих поцелуев. И ещё пару раз он потрогал мои сиськи. Даже не облизал! Просто ПОТРОГАЛ. И что я должна со всем этим делать? Мне льстит, что он тусуется со мной, мы весело проводим время, катаемся на машине, слушаем одну и ту же музыку, но сексуальной тяги нет ни у одного из нас. Так какого спрашивается хрена мы вместе? Надо просто положить на ситуацию, и все придет само по себе.

Закрываю глаза, и воображение рисует мне высокого мужчину с темно-русыми волосами и стальными глазами, его ровные брови идеальной формы подходят к его типу лица. Губы истинно мужские – не полные и не тонкие, средние. Но самое красивое – это ямочка, с одной стороны, спрятавшаяся в немного отросшей щетине.

Пальцами он прикасается к моей шее, обхватывает затылок и целует, так что пальцы на ногах стягивает в судорогу, между ног становится влажно, а тело просит еще.

Глава 4

Энтони

Проснувшись рано утром, я отказался, по понятным только мне причинам, от рабочей поездки. Все-таки за это и плачу им, чтобы они работали, пока я занят другими делами. Именно сейчас нет конкретных причин, чтобы откладывать все в дальний ящик. Но я не могу сдвинуться с места при мысли о маленькой дерзкой штучке, которая вчера так громко стонала за стеной. Черт возьми, не мог уснуть из-за нее, впервые в жизни хотел секса больше, чем денег. Мне надо было сбросить пар с Селеной, оттянуться по полной, опустошить свои яйца, чтобы приехать домой пресыщенным женским телом. Но я ведь уже здесь, и мои животные инстинкты обострены до предела. Она не выглядит как богиня или сногшибательная красотка, скорее, как анатомический тощий экспонат. Да и это полбеды! Я все еще не могу поверить в то, что она подружка моего сына – «девушка».

Уже даже и не вспомню, кто был моей первой девушкой, и считается ли первый секс отношениями? Их было немало, но, чтобы постоянная... Марли в пятом классе строила мне глазки, вот, возможно, она? Или та мелкая малышка на ка-

ком-то детском празднике, что забралась на мои колени, когда мне было восемнадцать и, кстати, она была самой убедительной из всех. В конце вечеринки я уже свыкся с мыслью, что стану парнем этой трехлетней маленькой чертовки с лицом ангела. Смешная девочка держала меня за руку, целовала запястья и в наглую залезла ко мне на колени, чтобы обнять за шею своими коротенькими конечностями. Вот, пожалуй, самая долгая и настоящая любовь в моей жизни. Что до Хаша, ох, он выбрал явно не ту девушку, не тот вариант для себя. Беатрис изворотливая девчонка. Взять хотя бы то, как она придумывала на ходу историю для него. И как итог, я, увидев ее нерешительность, поддержал, подсказал, в общем, дал толчок для лжи. И кто я после этого? Так что полночи изворотливая маленькая дрянь стонала и скулила в постели моего сына, в то время как я боролся с собой, своим членом и сном. Мне в новинку звуки за стеной, как-то это не по-католически что ли — не стесняться отца и заниматься сексом...

Глупости какие, в голову лезет какая-то ерунда. Вытираю локтем пот, стекающий со лба на нос, делаю еще несколько подходов с гантелями и опускаю их на пол. Мне пришлось сегодня утром сбрить щетину из-за того, что она жутко чесалась, и теперь мой подбородок отличается по цвету, нежели лицо в целом. Надо бы сходить и хорошенько загореть у бассейна, иначе еще пару поездок на остров, и мне грозит выглядеть как флаг ЛГБТ в несколько цветов. Разминаю пле-

чи, слегка массирую бицепсы пальцами, сидячий образ жизни подразумевает полную атрофию мышц. Единственное место, которое ей не подвержено — это мои ноги. Долгие пешие прогулки с одного конца острова в другой, солнце, нещадно опаляющее мою голову, и сухой ветер. Радости жизни налицо, если учитывать, что первое время там и укрыться-то было негде, поэтому можно понять, насколько прекрасно выглядели те пешие.

Несколько раз приседаю и ложусь на скамью, над которой висит штанга. Жим, лежа, помогает моей спине избавляться от боли, возникающей в верхних отделах позвоночника. Обычно, когда я занимаюсь этим, на подстраховке стоит Хаш. Этот бугай вырос до необъятных размеров, и поднять для него мою штангу, что печеньку откусить, проще просто. Отдуваюсь, пот льется из моих подмышек, пресс напрягается, когда делаю еще несколько подходов. Ставлю штангу на поручень и сажусь на скамье. Успокаивающее дыхание, несколько поворотов шей в одну и другую стороны, и я готов начать этот день, полным сил.

Поднимаюсь по лестнице, кажется, сладкая парочка спит, раз двери еще не открыты. Манеры моего сына с детства не изменились, как отец я слишком хорошо его знаю. Он может выйти из комнаты одетым в одни трусы и спуститься спокойно на кухню, чтобы выпить утренний коктейль. При этом двери везде раскрыты нараспашку. Привить ему свои привычки не удалось, он явно пошел в свою мать. Той бы свобо-

ду, побольше голых тел и поорать во все горло своим громким голосом. Сейчас это уже в далеком прошлом, и омрачает то, что ее нет с нами, но я с улыбкой вспоминаю эти моменты. По-своему, они прекрасны.

Смываю со своего тела пену и выхожу из душа в одном полотенце, обмотанном вокруг бедер. Пока я роюсь в шкафу, мне приходит мысль, что сейчас, как в дешевом романе, должна постучать в дверь Беатрис. А я бы, как истинный самец, завалил ее на кровать и трахал бы во всех немыслимых позах. Усмехаюсь своим мыслям, полотенце летит на ближайший стул, а я надеваю плавки, спуститься вниз я могу и в них. Пусть скажут спасибо, что не голый.

Спускаюсь по лестнице, задерживаюсь проверить сообщения на телефоне, когда слышу протяжный девчачий визг и всплеск воды в бассейне. Развлекаются детишки, сейчас я развею их радостное настроение своей природной угрюмостью. Набираю сообщение дизайнеру о том, что мне не нравится депрессивный синий цвет на стенах бунгало, она должна все изменить. Захватив со стола кувшин с лимонным соком, иду к своему шезлонгу, на котором уже лежит мокрое полотенце. Кто-то осмелился занять моё место, и это явно не мой сын. Знай, девчонка, что я, как цепной пес, охраняю свои помеченные места, в жизни не позволила бы себе посягнуть на мою собственность. Небрежно скидываю полотенце на соседней шезлонг, который в данный момент свободен. Смазываю лицо лосьоном, надеваю свои черные очки и ло-

жусь, согреваемый лучами солнца. Хаш и Беатрис плещутся в воде, словно дети, хотя ими они и являются. Интересно, сколько ей лет, как бы меня не посадили за поцелуй с несовершеннолетней. Наблюдаю за ними сквозь темные линзы очков, пока моё тело не призывает меня вздремнуть. Задирая выше подбородок и практически отрубаясь, когда холодные капли раздражающим каскадом капают на мой живот.

– Какого черта ты делаешь? – рычу я. – Отойди в сторону и трясى своими волосами.

Беатрис стоит рядом со мной и вытирает тело с самым наглым выражением лица.

– Я нечаянно, шезлонги расположены слишком близко, кроме того, ты занял моё место, – дерзко отвечает она, прищурив один глаз.

Оглядываю её фигуру снизу вверх, останавливаясь на красных губах, которые я вчера так сладко целовал. Раздражающая девчонка все еще поливает меня водой.

– Ты мешаешь мне отдыхать, – шиплю я, мне не хотелось бы, чтобы Хаш услышал, как фамильярно я с ней обращаюсь, тем более, как она со мной.

– Ну и топор тебе в жопу, – нагло отвечает она мне и укладывается на шезлонг рядом со мной.

Я онемел на некоторое время, приподнялся на локтях, чтобы сморозить еще большую пошлятину, но практически удержался.

– У тебя какие-то проблемы с пятой точкой? Ты слишком часто употребляешь это слово. Родители тебя не учили быть вежливой со старшими? – поворачиваюсь полностью к ней, совершенно забыв при этом про сына, все еще плавающего в бассейне.

– И что? Ты устроишь мне анальные кары? – громко фыркает и надувает свои губки во французском манере. – *Vas pisser dans les fleurs* (Иди, пописай на цветочки), – произносит она.

Я встречал наглых людей, но они были значительно изощреннее и, конечно, уже в более солидном возрасте. Но чтобы вот так, в наглую, с такой милой улыбкой на губах посылать меня на хер, это уже переходит все рамки дозволенного.

– Ты все французские выражения выучила, чтобы произвести на меня впечатление? Или это твоё обычное состояние? – на моих скулах шевелятся желваки, я готов хорошенько пройтись по ней ремнем, чтобы знала свое место.

– Ты заслужил это после того, как насильно меня поцеловал и шантажировал, – она надевает очки и пальчиком поддвигает их глубже на переносицу. – И это не мат, если ты не знаешь дословный перевод, то грош цена твоим познаниям в языке.

Откидывается на спину и перестает обращать на меня внимание, а я все еще наблюдаю за ее нервным дыханием и напускным спокойствием. Надолго ли она стала такой смелой? У самой пальчики трясутся от страха.

– Я весьма польщён, что ты не можешь забыть поцелуй, раз такая реакция на него, значит ты еще та brindille (сучка), – повторяю ее движения и укладываюсь довольным.

Закидываю руки за голову и наблюдаю пролетающую высоко в небе птицу.

Хаш вылезает из бассейна с широкой улыбкой на лице.

– Я рад, что вы нашли общий язык, кажется, будто знакомы уже долгое время и стали приятелями, – он бьет по моей протянутой ладони. – Так держать.

Мои губы расплываются в довольной улыбке. Хорошо, что пацан не понял, что его подружка настоящая сука, но готов промолчать, чтобы ему было приятно. Даже про эпизод с ее голыми сиськами и нашим незабываемым, для нее естественно, поцелуем.

Сын подходит к своей девушке и целует в щеку, в это время ее голова поворачивается ко мне, очки немного опускаются на переносицу, и она устремляет свои огромные светлокариые глаза на меня. В них вспыхивают молнии гнева. Если бы она могла кинуться на меня, то сделала бы это, не думая. Но сейчас мы играем с ней роль заговорщиков. Она переживает, что я раскрою тайну о том, как ей понравился мой поцелуй, а я... Ну, начнем с того, что я вообще не был в курсе, кто она такая. А прикасаться и целовать ли мне девушек – это уже моё личное дело, тем более, когда незнакомка была не против. Я не тащил ее силком, не брал против ее воли, так в чем дело?

Решив эту задачку, я улыбнулся ей во все свои тридцать два. Скривив губы, она поняла свою осечку, теперь она может стать моей рабыней на очень долгий период. Хаш ложится поверх полотенца, спустив немного свои плавки, и я удивленно смотрю на его действия. Он что, боится, что у него будут полосы на теле? В его руках появляется лосьон для загара, и я не могу остановить себя наблюдать за нежными движениями рук сына по своему телу. Не по телу его подружки, а по-своему! Он, как Нарцисс, водит ладонями, так что уже сомневаюсь в его ориентации. Ей-богу, он меня пугает.

Девчонка привлекает моё внимание, когда поднимается и наклоняется, практически сев мне на лицо своей маленькой попкой. Слова замирают в моем горле, когда, налив остатки сока, она смотрит на нас с Хашем.

– Кому сок? – я первый вскидываю руку, но, испепелив меня взглядом, она протягивает стакан с так необходимой мне жидкостью моему сыну. – Извините меня, пожалуйста, мистер... – хитро прищутив глаза, она снова делает невинное личико, – Энтони, но он был первым.

Сучка! Да что ты такое говоришь?! Просто ты и не собиралась мне его давать, и спросила, чтобы меня хорошенько вывести из себя. Ну, держись теперь, чертовка!

– Она ангел, клянусь, никогда не встречал таких, как она, – говорит Хаш, когда Беатрис удаляется за еще одним кувшином напитка. Мы оба провожаем ее взглядом, я в основном сосредоточен на ней из праздного любопытства. А

сын уже отвлекся на лосьон, который он выдавливает себе на ладонь.

– У вас с ней все серьезно? – я просто обязан его спросить об этом. – Это впервые – девушка в нашем доме, и ты тут сидишь и мажешь свой зад кремом. Хоть бы сказал пару слов о ней.

Хаш встает и натирает свои ноги, пока я жду от него ответа.

– Ну, мы почти год вместе. Беатрис собирается в Сорбонне учиться, я остаюсь на спорте. Она хорошая девчонка, терпение безграничное, внимательная и очень нежная, – он улыбается, а я оглядываюсь на дверь, где застряла эта мерзавка.

– Может, девушке необходима помощь? – показываю большим пальцем в направлении, куда она ушла.

Хаш вытягивает вперед две вымазанные руки и хмурится.

– Может, ты ей поможешь? – закусываю нижнюю губу, он ведь сам меня толкает надрать ей задницу, пока я киплю гневом, и есть за что.

– Конечно, – отвечаю я ему, – я как раз собирался вернуться в дом.

Сжимаю одну ладонь в кулак, сейчас бы иметь под рукой ремень или прутик, чтобы пару раз поддать дерзкой девчонке. Но, естественно, я не имею на это никакого права. Прохожу на кухню, на столешнице стоит полный кувшин лимонада, но Беатрис словно стерта с лица земли. Подозрительно оборачиваюсь вокруг своей оси на сто восемьдесят гра-

дусов в поисках нее, но девчонки нет. Будем надеяться, что она пошла в уборную, иначе, чем ей еще заняться. Прохожу тихим шагом к дверям уборной, там никого. Решаю, что она, скорее всего, наверху, стараюсь не издавать никаких звуков, если Беатрис что-то творит, я поймаю ее с поличным. Ещё не дойдя до уборной, я уже слышу, где находится «ангел» моего сына. Резко дернув ручкой на своей двери, я распахиваю ее в комнату, где на пол летят все мои вещи, которыми раскидывается ненормальная девушка.

– Ты что здесь устроила? – грозно говорю ей и надвигаюсь широким шагом, по пути поднимаю свои вещи с пола.

– Сучка, да? Я покажу тебе сучку, грязная скотина! – она швыряет в меня мой портфель, и я ловлю его практически около своего лба. – Сначала ты намекаешь, что я хотела этот поцелуй, теперь еще и обзываешь? Я покажу тебе, какая я сучка.

Она стоит на моей кровати, одной ногой удерживает мою дорогую рубашку, рукой тянет за нее, и я слышу треск ткани, которая мгновенно рвется. Сбиваю Беатрис с ног, и придавливаю ее своим телом. Руками она цепляется за мои плечи, ногтями царапает открытую кожу, но я заламываю ее руки за спину и удерживаю, как в день нашего знакомства.

– Немедленно отпусти меня, мерзавец, – ее губы напротив моих, она тяжело дышит и смотрит мне в глаза. – Ты гнусный лгун и сволочь. Я выцарапаю тебе гла...

Не даю ей договорить, впиваюсь в ее алые губы. Вкус этой

девушки сводит меня с ума, вместе с ее маленьким телом. Все чувства обостряются, когда она начинает освобождать свои руки из-под меня. Обхватываю свободной рукой ее голову и не позволяю ей отвернуться. Облизываю сладкий рот Беатрис, поглощаю, пока она все еще держит стиснутыми губы, борется со мной. Немногодвигаюсь на ней, вжимаю свой член в ее широко расставленные бедра, в самую сердцевину ее желания. Краду рваный вдох девушки и запускаю свой язык в ее горло. Она замирает подо мной, когда я отключаю свои мысли о том, насколько это правильно – хотеть ее. Хочу чувствовать под собой ее хрупкость, поглощать ее сладость и повелевать ее телом.

Рука Беатрис несмело прикасается к моему затылку, и она отвечает мне на поцелуй. Задыхаюсь от нахлынувших эмоций, целую ее до потери сознания, двигаюсь на ней. Руками стягиваю верх купальника без бретелей и опускаюсь с поцелуями ниже, к подбородку. Пальцами ласково глажу сосок, пока она выгибается дугой навстречу мне. Языком провожу по шее, спускаюсь еще ниже нежными прикосновениями по ее телу. Она оживает подо мной, гладит мои плечи, погружается пальцами в волосы. Мой член готов вырваться из плавков и протаранить ее как бронепоезд, подчинить себе, сделать только моей. Возвращаюсь к ее губам, пока руками глажу ее грудь. С остервенением она кусает мои губы и задыхается, когда я немного щипаю ее соски.

Отодвигаюсь от Беатрис, но она снова притягивает меня к

себе, словно в агонии. Щеки девушки горят, зрачки расширены до такой степени, что я не вижу светлого оттенка карих глаз. Губами я снова спускаюсь по ее шее, немного покусываю и снова облизываю, целую, пока мои губы не касаются ее нежно-розовых сосков, которые, словно маленькие рубины, сияют только для меня. Ее тело немного приподнимается, когда я облизываю нижнюю часть ореолы сосков, пальцами погружаюсь в трусики и глажу киску, которая истекает влагой. Еще раз вдавливаю в нее свое тело, делаю эротические движения, когда она стонет, как сумасшедшая, подо мной.

Все, что я сейчас хочу – это трахнуть ее, сожрать лицо и иметь до тех пор, пока мы оба не вымотаемся. Пальцами я провожу по ее маленькой дырочке, надавливаю на нее двумя пальцами и проталкиваю. Беатрис вскрикивает и отталкивает меня ногами. В шоке я стою напротив нее с широко распахнутыми глазами. Сбившись комочком, Беатрис сгибает ноги в коленях и смотрит на меня.

– Что это за нахрен? – говорю я, едва справившись с первоначальным шоком.

– Беатрис? – громкий голос моего сына в дверном проеме отрезвляет меня окончательно, вместе с ударом кулака в лицо.

* * *

Я сижу в своей комнате на кровати, где только что лежал.

ла Беатрис. Мои кулаки крепко сжаты, а голова низко опущена. То, что сейчас произошло в этой самой комнате, не укладывается у меня в голове. Я ведь просто хотел наказать несносную девчонку. Это не входило в мои планы, все произошло само собой. Она откровенно соблазняла и дерзила, теперь я чувствую себя старым развратником. Это смешно, если однажды сказать об этом кому-нибудь, никто не поверит в этот бред сумасшедшего. Начнем с того, что я не знал о ее невинности. Тело Беатрис отвечало на мои ласки, именно она схватила меня за член.

Хаш все еще стоит около моего шкафа и держит в руках верх от купальника девчонки.

– Это самое мерзкое, что могло произойти в нашей семье, – глухо произносит он. – Я даже не думал, что ты на такое способен. Слушай, ты же... Она ведь приехала со мной!

Мне стыдно смотреть ему в глаза, и поэтому я отворачиваю свое лицо, что здесь еще сказать...

– Ты понимаешь... – поднимаю руку, чем перебиваю его речь.

– Хватит уже объяснять мне прописные истины. Кто из нас взрослый? – поворачиваю к нему лицо и зло смотрю на него. – Она стонала в твоей кровати, не в моей. Я знаю, кто она для тебя. Но я этого не планировал. Не тащил ее в эту комнату и не насиловал. Понял?! Все произошло мгновенно, в одну минуту я готов был надрать ее задницу, в другую мы лежали здесь. Ты ведь мужчина, должен понимать, как про-

исходят такие эпизоды?! – провожу рукой по припухлости от его удара на щеке. – И нечего на меня так смотреть. Прекращай здесь брызжать слюной. Лучше помоги ей собраться, раз уж так скоро покидает этот дом. Машина уже здесь на подъездной дорожке. Счет мне ее скинь, выплачу моральную компенсацию, – сухо говорю я и показываю ему на дверь.

Решил отчитать меня за его действия. Я никогда не разговаривал с ним таким образом. У нас просто не было подобных ситуаций, и, слава богу. Беатрис угловатая девушка, которая не является моим эталоном красоты, просто сразила мой рассудок своим появлением. Подобное проявление инстинктов не свойственно мне. Вечный расчет с кем можно, а с кем нельзя, сколько и кому из них заплатить... А здесь просто молотом по голове.

Глава 5

Беатрис

– Он сделал тебе больно? Перестань бегать по комнате, – громко говорит Хаш, – ты сводишь меня с ума. Отец подготовил машину для тебя.

– Какой ты прозорливый. Больно ли мне? – шиплю я. – Да не надо мне от него ничего, Хаш, – отталкиваю его руку, в которой он протягивает мой купальник, – успокойся нахрен. Ты достал меня со своей заботой. Что же ты раньше не бегал так и не переживал?

Больно ли мне? Да я унижена! Меня мало того, что про-ткнули пальцами в момент, когда я была максимально ослаблена по своей тупости, так еще и поймали под папашей, и не кто-то чужой, а парень, с которым я провела некоторое время. Куда уж больнее, а? Интересно, какая причина была, чтобы захотеть эту самую глупую дуру. Часовой механизм словно заклинило в моей голове, детали не могут прокрутить информацию и понять ДЛЯ ЧЕГО ЭТО.

Ладно, я дура, чертовы гормоны, сексуальное возбужде-ние, дурацкие амбиции и, самое смешное, со взрослым му-жиком! Не могла пнуть его по яйцам?! Нет, распласталась

под ним, словно коврик. На, бери, трахай меня. Куда уж больней-то?! Переживает он за меня, как же! Сам меня не захотел, выматывал целый год. И что в итоге?

Отчаянно заглядываю под кровать в поисках туфель, которые я приготовила для вечера. Фантазерка тоже, нарисовала себе идеальную сказку. И вот так ткнула пальцем в небо. Вернее, ткнули в меня. Позорище, отдохнула.

Хаш отшатывается от меня, когда я словно метеор проношу мимо него, скидываю вещи, которые только вчера по приезду разложила по полкам.

– Это просто машина, причем здесь он? – четко проговаривает слова, он зол не меньше моего. – Ты станешь заявлять на него в полицию? Ведь это было, ну... В общем, он выплатит тебе моральную компенсацию. Я скинул ему номер твоего счета. И теперь...

Руки замирают над чемоданом, когда я упираюсь взглядом на покрывшееся дурацкими пятнами лицо Хаша.

– Ты дурак? О каком заявлении ты говоришь? За кого ты вообще меня принимаешь? – подхожу к нему и выдергиваю смартфон из его рук, печатаю сообщение на номер, который получил мои данные. – А теперь просто свали отсюда и оставь меня в покое. Я поеду на вашей долбанной машине. Но не ты, не твой папочка больше, чтобы не имели ко мне никакого отношения. Ты меня понял?

– А я здесь причем? Ты не думала о том, что именно я сейчас должен психовать? Моя девчонка лежала по собственно-

му желанию под моим отцом. Что это за херня? Ты решила так на Сорбонну заработать? – бью по его лицу со всей силы раз, потом еще один, чтобы он заткнул свой рот.

Вот оказывается, в чем проблема, а я-то думаю «такой» мужик и за стрёмной выпускницей потащился. Эти два урода решили, что я потаскуха, выбивающая деньги из богатеньких жоп. Папаша решил упразднить неподходящую подругу, которая повелась на него. Видимо, рожей не вышла, не подхожу по состоянию кошелька любимому отпрыску. Устроили мне проверку, которую я не прошла. Легла на кровать и дала себя практически трахнуть. А сынок слишком тупоголовый, чтобы понять, в чем проблема.

– Ты просто дебила кусок, вот ты кто. Со своими замашками, иди к Эдсону. Пусть он поцелует тебя в задницу. Я думала об этом, почему же ты никак не мог меня трахнуть. И только сейчас дошло, у тебя ни разу на меня не встал, но ваши долбанные ужимки с Эдсоном – вот где страсть. Так пойди и отсоси у него, – закрываю чемодан и шагаю мимо моего придурка бывшего. – И папочке не забудь рассказать свой грязный секретик. Счастливо оставаться, дружище. К черту всех вас, горите в аду.

Не поднимаю чемодан на руки, тупо тащу его с грохотом по мраморным ступеням лестницы, звук эхом раздается по вымершему дому. На прощание, чтобы оставить о себе память, как бы невзначай подталкиваю пальчиками вазу, стоящую на высоком столике в прихожей. Звук разбивающегося-

ся стекла и скрежет колесиков чемодана по нему – всё, что останется им на память. Козлы долбанные.

– Добрый день, мисс, куда я могу вас отвезти? – передо мной стоит высокий парень с темной кожей, похожий на филиппинца, его длинные волосы стянуты в хвост, а глубокий цвет глаз выдает доброго человека.

Выдохнув, я сажусь в открытую для меня дверь, и он закрывает ее за мной. Называю свой адрес, все еще в гневе оглядываю окна дома, который я не забуду никогда. Я не могу винить Энтони в том, что я не хотела этого. В то же время меня злит, как они быстренько всё решили между собой. Один сразу тыкает мне деньгами, которые я как будто бы хотела тупо выбить из его папочки, а папаша думал, что я являюсь опасной охотницей за деньгами, видимо. Это все мои домыслы, которые Хаш мне услужливо ткнул в лицо. Да и хрен с ними, идиоты чертовы. Положа руку на сердце, я не хотела нести чепуху о Хаше и Эдсоне, это просто спонтанно вырвалось из меня. Хотелось сделать ему больней, чем мне сейчас. Но слова уже не вернешь, как и отношения, в целом, мы просто наплевали друг другу в душу.

– Ты словно юная Персефона, сбегаящая из страшного дома Аида, – отвлекаюсь от своих мыслей и заинтересованно пялюсь на филиппинца.

– Я читала легенды и мифы, – отрешенно отвечаю ему. – Но вы ошибаетесь. Кажется, я сама упала в яму, которую рыла.

Он загадочно улыбается мне, а, ну да, Персефона-то тоже упала в ад к Аиду, когда под ней разверзлась земля...

Мне не с чем сравнить эту ситуацию, дурой являюсь именно я. Так кого винить? Отца Хаша? Да я не была против его поцелуев. Хаша в том, что он не стал тем, кого я себе представляла? Так тут тоже не его вина. Легкомысленность, как и сказала моя тетя, преодоление преград, которые я сама себе воздвигаю. Восхождение на вершины глупости, вот так будет правильнее.

Сажусь удобнее на сидении, внутри немного болит, шок от того, что он сделал своими пальцами. С ума сойти, он даже не подумал о том, что я могу быть девственницей. Это еще раз подтверждает мою теорию, он посчитал меня шлюхой. Тело настолько растворилось в его руках, я просто не понимала, как все быстро произошло. Эта тянущая мгновенная боль, как вспышка, хотя еще минуту назад его пальцы умело давили на нужные места, а язык ласкал моё тело.

Что до нынешнего состояния, я наклеила ежедневную прокладку, потому что кровь немного сочилась. Почувствовала ли я себя женщиной? Нет, конечно. Дурой, идиоткой, ведомой, легкомысленной, да кем угодно, только не женщиной. Стыдно, как все произошло по отношению к Хашу. Пусть наши отношения только по названию являются любовными, но то, что у нас было, скорее, ужимки подростков в закоулках. Редкие, очень, очень редкие ужимки.

Если не кривить душой, то можно провести параллель и

посчитать на пальцах сколько раз за год мы оставались наедине, когда именно он трогал меня и при ком. Естественно, Эдсон и его подружка. Как по взмаху волшебной палочки, едва переглянувшись, они оба мерились членами друг перед другом, у кого получится круче потискать свою девчонку. Отсюда и появились мои подколы в их сторону. Но не думаю, что он по-настоящему гей. Просто любитель повыпендриваться своим положением.

– Вам понравилось гостить у мистера Уилсона? – снова вступает со мной в разговор филиппинец. – Я так понимаю, вы подруга Хаша?

Больно ты любопытный, дядечка, интересно, но он так не думает. Немного задерживаю ответ, я надеюсь, он остановит треп и займется своим прямым назначением.

– Не понравилось? А зря, они хорошие люди. Мистер Уилсон очень великодушный человек, какого парня вон сам вырастил. – он поворачивает на уже знакомую улицу и размышляет сам с собой.

– Вы всегда разговариваете с попутчиками? – интересуюсь я. – Или только с избранными?

Он хмыкает, и я вижу, как снова широкая улыбка расплывается по его лицу.

– Только с теми, кто выглядит надутым, как мышь на крупу, – я смеюсь над его ответом. – Кстати, мы приехали, мисс.

Машина останавливается, и я выхожу из салона, водитель передает мне ручку от моего чемодана и ставит на колесики.

– Значит, сбегаешь? – он приподнимает одну бровь, и его лицо приобретает комическое выражение.

– Интересно... Ну, счастливого пути, – он садится в машину и оставляет меня с открытым ртом, стоящей на улице.

Хаш? Или его папочка? Так ни один из них уже не интересуется меня. Отец тем более, это было легкое умопомрачение, страсть, похоть, все что угодно. Он мне особо и внешне-то не понравился. Старая заносчивая задница, как точно я заметила в первую встречу. А филиппинец – Нострадамус нашего времени? Закатываю глаза, ага, так я и поверила.

Подхожу к двери, и меня встречает взволнованная тетя. В руках она все еще держит упаковку масла для выпечки. Удивление, написанное на ее лице, ни с чем не спутаешь.

– Когда ты сказала *«скоро вернусь»*, я не думала, что настолько, – произносит она и помогает закатить чемодан. – Ты что, сбежала оттуда впопыхах? Твоя футболка надета наизнанку, – указывает на вывернутый шов ткани.

Кривлюсь от ее слов, не удивительно, что водитель показался мне провидцем. Все более чем очевидно, расстроенное лицо, угрюмая «мышь», как, однако, точно в цель-то попал. Я мышь! Серая и скучная... Ну и футболка, надетая наизнанку. Темное царство – это неосвещенная терраса... А Аид, пусть вот и сидит в своем подземелье.

– Все произошло спонтанно, мы расстались. Для этого необходимо было просто оказаться в других условиях, – отвечаю я разочарованно.

– Je suis désolé (Мне очень жаль), – тетя искренне выражает свои чувства, а я едва сдерживаю слезы. – Tu ne vas pas faire tout un plat pour ça?! (Ты же не будешь из этого делать проблему?!)

– J'en ai rien à foutre (Мне наплевать). – Обычно, когда тетя волнуется за меня, она начинает говорить по-французски, меня успокаивает это, словно я чувствую рядом моих родителей, которые обнимают меня. – Спасибо тебе, но я очень устала и поднимусь к себе. Всё, правда, хорошо.

– Беатрис, скажи своей любимой Корин, ты будешь тортик? Я могу быстренько придумать, посидим, посмотрим телевизор. Я очень скучала по тебе, ты же не оставишь меня одну набивать свой желудок? – Корин жуёт свои губы и заглядывает мне в лицо. – Chaque jour je t'aime plus qu'hier mais moins que demain (Каждый день я люблю тебя больше, чем вчера, но меньше, чем завтра). Le temps est le meilleur médecin (Время – лучший аптекарь)

Выдавливаю из себя улыбку, как тут не согласиться с этим выражением. Тащу за собой чемодан, который мне необходимо распаковать. Почему-то сейчас я чувствую себя разбитой, обиженной и одинокой. Ошибки, которые мы совершаем, если их обдумывать бесконечно, имеют свойство расти в масштабах. Причем, стоит только вспомнить, сразу начинаешь винить всех и себя, наматываешь клубок отрицательных эмоций, накручиваешь себя еще сильнее, для чего только, неизвестно. Чтобы сделать выводы? Больше не падать в эту

яму? Не оступаться? Так это жизнь, если бы я знала, что так произойдет со мной, повторила бы я эту сцену? Сейчас не смогу ответить на этот вопрос. Время расставит все по своим местам и покажет, как воспринимать случившееся. Поэтому, отбросив все мысли, я раскладываю свои вещи в шкаф, уже без той особенной радости, с которой собиралась.

Оглядываюсь на вибрирующий телефон, приходит сообщение о пополнении счета. Мне не надо строить из себя святую невинность, я знаю, кто сейчас подкинул мне деньги и для чего. Оставляю не до конца убранные вещи лежать в чемодане и просто ложусь на кровать, свернувшись клубком, я смотрю на прикроватную тумбу, на которой отчетливо вижу это сообщение. Отправить деньги ему назад? Показать, какая я гордая, или оставить себе, чтобы подтвердить его теорию и снять камень вины с его плеч?

Девственные деньги, плата за невинность, потерянную при особых обстоятельствах... А что я знаю о мистере «заносчивая задница»? Ничего. Только то, что он является отцом Хаша. Вытаскиваю из-под кровати свой ноутбук, подключаю его к сети. Набираю в поисковике имя Энтони Уилсон. Так, их слишком много. Просматриваю все ссылки на людей. И нечто интересное ловлю на второй странице.

«Энтони Шэдоу Уилсон, владелец туристической фирмы с филиалами по всему миру, купил свой собственный остров...»

Второе имя, конечно, у него «мрак» или «тень», родители любили поэкспериментировать. Меня не интересуют его покупки, у него должно быть пятно. Судя по фото, человек, изображенный на нем – отец Хаша. Хорошо, что интересенького о нем пишет сеть?

Итак:

Энтони Шэдоу Уилсон, родился 4 мая 1984 года, телец, рост 187... Кому это, блин, интересно... Скукота, его любовные похождения, посмотри-ка, все стройняшки, спортсменки, юристки... Парень любит ярких женщин и, судя по всему, не силиконовых дур. Ничего, никакой интересной информации, никаких черных пятен в его биографии. Молодой, перспективный, красивый...

Мой взгляд останавливается на фотографии моих родителей, которая стоит на прикроватной тумбочке. Что если... Закрываю глаза, гордость сейчас борется с независимостью. Что если я все-таки сделаю кое-что для моей семьи, для той правды, которая прячется за семью печатями с момента гибели моих родителей? Сумма на расследование этого дела превышала лимит наших возможностей. Авиакомпания моих родителей давно умерла вместе с ними и кем-то закопана под землей. Настолько жестоко расправиться с ней мог только человек без души. Спасать уже нечего, да и стоит ли. После стольких судебных исков от родственников погибших,

обвинений в смерти людей... Я никчемный червь в этом мире, чтобы бороться против титанов.

Открываю закладку «*бюро расследований*», заполняю заявку, чтобы со мной связались. Суммы, отправленной мне «заносчивой задницей», вполне достаточно, чтобы осуществить мою идею.

Он считает меня подлой и продажной шлюхой. Хорошо, я буду такой, только бы докопаться до истины, кто же стоит за всем этим.

Закрываю ноутбук и со спокойным сердцем отправляюсь в гостиную. Корин сидит у экрана телевизора и смотрит фантастику. Я подсаживаюсь к ней, кладу свою голову на ее плечо, она пахнет по-домашнему, уютно и тепло.

– Я сделала глупость, возможно, дважды, – говорю ей, когда она делает немного тише.

Корин давит мне на плечо, чтобы я легла на ее колени. Пальцами она разглаживает мои волосы по всей длине.

– Эти глупости все твои. Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость, говорил Франсуа де Ларошфуко. Поэтому не делай поспешных выводов, не торопись. Шаг за шагом ты познаешь истину, – говорит Корин, ее руки застывают на мгновение и снова начинают успокаивающе гладить.

– Я хочу пораньше уехать в Париж, мне надо привыкнуть жить без тебя, – мой голос надломился на последнем слове, и не выплаканные слезы вырвались наружу.

От обиды, нанесенной моей гордости, от глупости, которую я совершила сама, искушая судьбу. Мне просто надо выплакаться, скинуть с души этот камень, разложить все по полочкам, чтобы мои гормоны успокоились, и я снова смогла быть той, какая я есть.

– Это будет тяжело, но не смертельно. Ты же будешь писать мне и звонить, ведь так? – Корин с надеждой смотрит на меня, как будто это возможно – забыть ее.

– Ты ведь моя Корин, как я могу забыть? – я чувствую, сердце женщины забилося быстрее, она поменялась в лице, руки мелко дрожат, и она тянет меня к себе. – Я люблю тебя, – произношу я такие важные слова.

Возможно, я делаю глупость, но мне пора научиться жить самостоятельно, и чем раньше, тем лучше.

Глава 6

Энтони

Я знаю, что женщины приносят неприятности, посмотреть хотя бы на парня, сидящего спиной ко мне, грызущего свои и без того безобразные ногти. Мое мерзкое поведение по отношению к его чувствам, то, как я не сдержал свои животные инстинкты...

Но если бы не мелкая француженка, соблазняющая меня, наверняка, все было бы иначе. Она настоящее искушение для мужчины... Наваждение...

Если бы та, что писала однажды сообщение, поймала бы меня на этой ситуации, самое малое – я бы стал ее врагом номер один. Ведь именно сын пострадал от того, что я зажал девчонку в своей комнате на кровати и практически засадил ей по самые... Но я получил свою порцию гнева. Скула, которую красиво разрисовал кулак моего сына, саднит и опухает с каждой минутой все больше. Удерживаю гелевую подушку у лица, которая приятно холодит.

– Что это за ерунда, которую ты мне дал? – указываю на подушечку. – В доме закончился обычный лед?

– Скажи спасибо, что я вообще принес тебе ее. Мог бы

вполне еще пару раз ударить, для равновесия, – бубнит Хаш.

– Я не знал, что она девственница, – слова вырываются из меня прежде, чем я успеваю сообразить, все еще смотрю на свои пальцы, не так давно лишившие невинности девчонку.

– Ну, тогда спросил бы, что же ты так скромно? То есть, полезть в вагину тебя не смутило, – я морщусь от этого слова. – Что? Это нормальное выражение, если ты все еще помнишь физиологию. И тебе надо было вспомнить о том, что это моя подружка.

– Уровень дерзости в этом доме зашкаливает. А ты полон сюрпризов. Мог бы уже давно трахнуть девчонку, вместо того чтобы махать ей перед моим носом, словно красной тряпкой.

Хаш недоверчиво смотрит на меня и качает головой, его поражают мои слова. А мне надоело вести беседу с этим заносчивым щенком. Я виноват, согласен. Но моё лицо болит, в то время как он сидит и выпендривается передо мной. И это меня жутко злит.

– Она была моей подружкой, – говорит он и поворачивается ко мне в крутящемся кресле. – Ты не мог держать дистанцию, да? Такой отцовский поступок. Трахни мою подружку, попробуй для меня, как в дешевом порнофильме о доминантах, так?

– Заткнись, пожалуйста, я тебе уже говорил, все вышло само собой. И иногда надо выбирать девчонку, которая будет держать себя в руках, – ох, ну я это зря, в любом случае она

не виновата.

Меня уже бесит это переливание из пустого в порожнее.

– Что же ты не побежал за ней, раз она так важна для тебя? – говорю ему, почти скрипя зубами.

– Извини, не оправдал твоих ожиданий, – ерничает пацан. – Почему ты не побежал? – дерзкий паразит, сейчас бы устроить ему, но я не чувствую его отчаяния, не настолько она его интересовала.

Снова беру со стола свой телефон, чтобы не дать по шее этому мальчишке, смотрю на сообщение его матери. Это всегда останавливало меня от карательных действий. Почему этот балбес не спал с девчонкой? Ведь у них была возможность за это время, и не раз. И я отчетливо слышал возню прошлой ночью. Им повезло, что я не колотил в дверь каждый раз, когда она громко стонала. Я вымотан этой ночной симфонией, подслушиванием и ночным бдением. Меня вообще, по большому счету, она не должна интересовать.

– Я могу уехать из страны, – откладываю телефон на столик, стоящий передо мной, и сажусь удобнее на диване, широко расставив ноги, делаю вид, что меня не цепляет этот разговор. Тон, с которым он произнес это предложение, отличается от того, с каким начал. Совсем как в детстве, он обдумал и пришел к выводам.

– И чем же вы, мистер, будете заниматься? Без образования, имея за спиной только пару кубков и толпы визжащих девчонок, – последнее напоминает мне о тоненьком голосе

Беатрис и ее столах подо мной. – Хаш, это будет ошибкой.

Сын смотрит мне в лицо, его глаза горят гневом и ненавистью, но неуверенность выдают розовеющие как в детстве скулы. Он встает и начинает расхаживать из стороны в сторону, при этом теревит свои светлые волосы на макушке. Я же старательно маскирую истинные чувства, не хочу, чтобы он покидал свой родной дом. Это должен сделать я, а не Хаш.

– Пап, извини за это, – сопит он и показывает на моё лицо. – Что, если бы ты разочаровался во мне, как и я в тебе? Что, если бы у меня тоже был секрет, который тебе показался бы жутким? А я полон сюрпризов...

Сердце болезненно сжимается, когда укол действует точно в цель. Что бы сделал я на его месте? Наверное, это моё влияние, что он решился предложить мне подобное.

– Хаш, лучшим решением двух взрослых мужчин будет временное разъединение. Каждый пойдет своей дорогой, – я встаю, кладу на стол гелевую подушечку и подхожу к Хашу вплотную, поймав его испуганный взгляд, делаю шаг назад. – Ты думаешь, я сейчас дам тебе сдачи, ребенок? Глупо. Меня ждет работа на острове. Я должен был улететь сегодня рано утром, но обстоятельства сложились иначе... Ты обязан окончить университет. Несмотря на нашу с тобой размолвку, ты все еще мой мальчишка. И ответ на твой вопрос – я не могу разочароваться в тебе, что бы ни случилось, я люблю тебя.

Протягиваю руку и сжимаю его плечо по-отцовски. Хаш

придвигается и крепко обнимает меня, по-мужски сильно бьет между лопаток тяжелой ладонью.

– Кажется, ты только что прокряхтел, словно старик, – насмехается надо мной гаденыш.

– Ну, так тридцать четыре – это не твои восемнадцать, согласишься? – отвечаю ему.

Я, было, мысленно добавил еще пару строк, о том, что я дам ему фору, но проблема в том, что пару часов назад я трахал пальцами его сексуальную подружку, поэтому удерживаю себя от едкого комментария. Измеряться членами мы еще успеем, но не сегодня. Я влюблен в этого мальчишку с его рождения, и, если бы сейчас на меня не смотрели глаза его матери, я мог бы ему вклеить подзатыльник за свое испорченное лицо.

Мой телефон гудит, оповещая о входящем вызове. Вытягиваю руку вперед, чтобы посмотреть на время, которого у меня совершенно нет. Устроить себе выходной не получилось. Чуть не забыл о самом главном.

– Спасибо за кокосовый коктейль, ты все еще великодушный мерзавец, – парень усмехается мне в ответ.

– Как я мог забыть день твоего рождения? Подарка, чтобы распаковать у меня не было, но... – он краснеет, замолкает на некоторое время, мы разрываем свои мужские объятия, нелепо обращая внимание на все что угодно. – Не важно. Счастливого пути.

Я знаю, Хаш своей заботой пытается показать, что чув-

ствует за собой вину. И я рад, что смог привить ему лучшие качества характера. То, что я «распаковал» на свой день рождения, бесценно для девушки. А я, мало того, что не успел поговорить с ней, так еще и унижил тем, что импульсивно отправил хорошие отступные. Но подарок получился что надо. Забыть его точно не выйдет. Неожиданно для самого себя я говорю то, чего никогда бы не сказал.

– Хаш, оставь Беатрис в покое. Я не хотел бы, чтобы ты с ней встречался. Будь хорошим мальчиком, – он резко вскидывает голову и провожает меня долгим взглядом.

Да, вот такой я эгоист. После того, что я с ней сделал, тебя в ней точно не будет.

Я мог бы добавить, что ни с кем она не будет встречаться, но это глупо. Поэтому делаю непроницаемое лицо и забираю смартфон со стола под его гудение, иду к выходу.

Я какого-то черта ей отправил деньги, и она приняла их. Мне просто хотелось извиниться перед Беатрис тем способом, которым умею. Но вот сейчас смотрю на Хаша и понимаю, своими детскими мозгами Беатрис придумает чушь. Неверное, истолкованный посыл наделает кучу проблем и для меня в том числе. Но дело сделано, отправлять букеты оскорбленной девушке... Тем более, после ее сообщения со словами: *«Пошел к черту, м*дак»*...

Я не делал глупости в молодости, так что же произошло со мной сейчас? Словно с цепи сорвался, как изголодавшийся пес кинулся на бедную девчонку. Угрызения совести терза-

ют мою душу. Мне тридцать четыре года, а я повел себя как подросток с бушующими гормонами. Такого со мной никогда не было, чтобы вот так запросто снесло крышу с первой встречи.

Сажусь в машину, и мой водитель сразу же выезжает с подъездной дорожки. Он прекрасно выучил язык моего тела, сейчас я явно показываю своим видом, что не готов к общению.

Все никак не могу выбросить из головы произошедшее.

Прошло уже много лет с тех пор, как самолет с матерью Хаша разбился. И не многим в жизни удалось держать на плаву бизнес, совмещать все с воспитанием ребенка. При условии, что сын свалился на мою голову, когда мне был всего двадцать один год. Я сам еще был пацаном, который учился в университете! Сын, которого у меня никогда не было, маячил передо мной, требовал моего внимания и отнимал все моё свободное время. Я мог бы воспользоваться услугой нянь, свести наше общение на нет, отдать его на попечение... В конце концов, просто сбежать из этого дома от призраков, напоминающих о прошлом. Но я не сделал этого ради нее... Ради нас...

Я любил Шейлу самой искренней любовью, как можно любить человека родного для тебя и важного. Но оставшись без нее, я понял, что просто обязан исполнить ее мечту и сделать так, как она просила. Позаботиться о нем.

И пусть я не идеален в своем методе воспитания, потому

что однажды что-то пошло не так. В момент, когда в жизни моего сына появилась «Чертовка», я с первого взгляда понял, что спокойно жить мне осталось совсем немного. Она словно вспышка на солнце, геомагнитная буря... Одним своим появлением она подняла моё кровяное давление, свела с ума и при этом оставила только головную боль.

Первая наша сцена в бассейне, как нелепо я повел себя, не удосужившись спросить, кто она. У нее животный магнетизм, Беатрис загипнотизировала меня своим огромными глазами. Самое смешное, впервые в жизни я нахально поцеловал девушку. Мне не присуще психовать из-за дерзких слов, но она просто вывела меня из себя – обозвала стариком. Ну, может в ее глазах я такой и есть, но мне не хотелось на тот момент, как, впрочем, и сейчас, быть таковым для нее.

Впервые я задумался о возрасте.

– Эй, Кэмп, у тебя есть семья? – задаю вопрос своему водителю, он старше меня на много лет, но все еще на службе.

– Есть сэр, – отвечает он, слегка прищипнув языком. – Двадцать лет вместе, как один день.

Киваю головой, и пустым, ничего не значащим взглядом упираюсь в обшивку впереди стоящего сидения. Человек счастлив в браке столько лет, пока я, строю бунгало, осуществляя чужую мечту и воспитывая самостоятельно ребенка, который теперь, возможно, считает меня худшим из зол.

– Извини за бестактный вопрос, а дети есть? – мне снова становится не по себе, этот человек работает на меня очень

долгое время, с момента моего становления как предпринимателя. – Я не настаиваю.

Кэмп, смеется, но в этом смехе нет горечи или мнимого счастья. Он будто обдумывает, как правильно мне рассказать.

– Она младше меня, совсем девчонкой была, когда поженились. Сначала мы тянули, думали, что ребенок принесет в нашу жизнь хаос. Стремись дольше побыть вместе, уделить внимание друг другу. Насладиться тишиной. А потом стало поздно, мы много раз пробовали завести ребенка. Это стало не просто идеей, а целью нашей жизни, но череда неудач, несколько выкидышей, и мы решили остановиться. Я думал, мы не переживем этого. Но мы все еще не теряем надежду, чудеса случаются, и я не так стар, – он говорит это так, словно сам верит в то, что это произойдет. – Сейчас решаем вопрос об усыновлении малыша, родители которого погибли.

Погибли... Поправляю галстук, который душит меня все сильнее. Погибли... Несколько раз киваю головой.

– Хорошо, – отвечаю ему, смысл этого разговора потерян, не многие поймут меня.

Его уверенность, то, как он сам себя подбадривает, улыбающееся лицо, несмотря на потери. Я не замечал этого раньше. Человек все еще верит в мечту, или сожалеет о потерянном времени. Всегда диссонанс, который балансирует на грани.

– Я, кстати, сегодня выпил коктейль, приготовленный из

твоего подарка. Неплохой, немного по вкусу напоминает мыло, – решаю увести от темы, гнетущей нас обоих. – Но мне было действительно приятно, что два человека участвовали в этом состязании сюрпризов. – Третий преподнес мне постыдное состояние, но об этом умолчим. – Ты доставил девушку по необходимому адресу? Она так поспешно покинула дом, как и появилась.

Я очень долго подходил к основному, интересующему меня вопросу. Даже для важности потянулся за кейсом с документами, и теперь делаю отрешенное лицо, надеюсь хоть голосом себя не выдать.

– Да, прекрасная мадмуазель доставлена, я думаю, он счастливчик, – с удовольствием смакует последнее слово.

Я хочу у него узнать, почему именно на французский манер, и кто из нас счастливчик. Но останавливаю себя, ни к чему выпрашивать информацию о человеке, который был лишь мгновением в твоей жизни. Я не причисляю себя к везунчикам. Не с ней, по крайней мере, она еще ребенок, которого совратил «Старый извращенец». Сжимаю челюсти и снова вожусь с галстуком.

Некоторое время мы едем в тишине, мне, наконец, удастся сосредоточиться на бумагах. Обычно это не составляет труда, в нынешнее время сложностей не возникнет при условии, что у тебя есть деньги.

Мы подъезжаем к аэропорту, Кэмп вытаскивает мой небольшой чемодан, опускает его на колёсики и начинает ка-

тить. Печатаю несколько сообщений на смартфоне и отправляю. Пока я буду в полете, мне предоставят полную картину потерь, если таковые имеются. Мой прагматичный мозг привык просчитывать все ходы наперед, чтобы лишний раз не возвращаться я всегда продумываю, программирую себя. Сложность возникала раньше, пока я не получил юридическое образование. Теперь же обходить подводные камни стало намного проще. На табло высвечивается объявление о посадке на мой рейс, и я снова проигрываю в голове случившееся много лет назад. Только теперь рядом со мной не Шейла, а мой грузный водитель. Человек, который сейчас внимательно смотрит на меня, сдерживает себя, чтобы не сказать лишнего. Чтение эмоций по лицу человека давно стало моим усовершенствованным хобби. В работе очень помогает.

– Сэр, ваш чемодан, – Кэмп протягивает мне ручку багажа, пожимает руку на прощание, но это еще не все. – Она была очень расстроена, если вам от этого станет легче.

Мое лицо потеряло маску безразличия на долю секунды, но я взял себя в руки и слегка кивнул. Был бы на его месте кто другой, уволил бы к чертям собачьим, чтобы не лез ко мне в душу со своим видением. Он уходит, а я продвигаюсь в зону посадки. Из огромного окна я вижу, как взлетают самолеты и направляются каждый в свою сторону. Но в этот раз я не думаю о Шейле, о том, как мы прощались. Сейчас мои мысли бессовестно украла маленькая француженка с дерзкими словами, то и дело выскакивающими из ее прелестного

ротика. Ее обнаженное тело, преследующее меня всю ночь, и невероятно выразительные глаза. Я ведь даже не спросил ее фамилию, не удосужился поинтересоваться, как она себя чувствует, считая это лишним, после сюрприза, который она мне преподнесла.

Вообще, день рождения – самый грустный день в моей жизни. Практически всегда я провожу его в полете неизвестно куда, и вернусь ли я однажды, непонятно. Но этот день был настолько эмоциональным, что я просто истощен, и в то же время улыбка, то и дело неосознанно появляющаяся на моих губах, не может скрыть всю полноту ощущений. Она забавная малышка, бестолочь еще. Но на ее очарование не сможет повлиять время и изменить его. Такие хрупкие женщины всегда вызывают в мужчине желание, возбуждают воображение, превращая нервы в оголенный высоковольтный провод, находящийся в опасной близости от наших сердец.

Однажды она разобьет сердце не одному мужчине... Заметно хмурюсь, снова это собственническое чувство.

– Ваш билет, пожалуйста, – девушка приятной внешности услужливо улыбается, возвращая меня на землю. – Счастливого полета, сэр.

Едва заметно выдыхаю, еще одно впервые... Я не думал о смерти перед полетом благодаря Беатрис...

Глава 7

Беатрис

Три года спустя...

Маленькое уютное кафе, в котором работала «Амели», героиня одноименного фильма, оказалось вполне себе реальным. Когда я училась в университете, мы с девочками выбрали это место для своих встреч. Однажды я забыла улицу, куда я должна была приехать. Но мне достаточно было сказать таксисту, что мне нужно добраться до «кафе, в котором работала Амели», как меня тут же доставили на «Лепик пятнадцать». Так, словно это нормально, зная вымышленного героя и точное место его работы. «Две мельницы» стали нашим местечком для сплетен, поедания крем-брюле и круасанов. Это место напоминает музей для приезжих, каковой я и была в тот момент. Туристы фотографировались на фоне этого милого кафе, пока я погружалась в уютную атмосферу Франции.

Сегодня нет особой причины для встречи, я все еще сижу на улице. Уютные красные стулья и укрытые белой ска-

тертью столы, на которых стоят маленькие вазы с цветами – такого ты не встретишь в любом другом городе. Я всегда сажусь так, чтобы видеть мимо идущих людей. Мне нравится то, как они романтично вздыхают и рассматривают это кафе, превращая его в место паломничества. Как ни странно, в этом месте нет девушек официанток, только парни. Красивые французы с особой обходительностью обращаются с нами. Может вот еще одна причина, почему девочки настояли на этом месте. Устроившись поудобнее, я заказываю себе кофе и пару круассанов. Эти маленькие «рогалики» имеют особое значение для меня, потому что моя Корин делала их по выходным. Особая атмосфера и уют приходили в нашу жизнь благодаря этим маленьким шедеврам.

Парочка останавливается около портрета Мадемуазель Пулен, просят мимо проходящего мужчину сфотографировать их на ее фоне. Хитро улыбающаяся женщина стала, пожалуй, самой популярной картиной этой эпохи. Улыбаюсь, когда мужчина понимающе смотрит на парочку. Я, наверняка, тоже выглядела именно так, когда впервые появилась в Париже. Когда камера указывала на то, что уже нет места на флешке, я принималась за телефон, который устал от всех этих селфи.

– Ваш заказ, – парень официант с приятной внешностью ставит передо мной чашки, убрав руку за спину, затем его удаляющаяся фигура теряется в потоке клиентов.

С удовольствием делаю глоток напитка, на секунду при-

крываю глаза, чтобы насладиться первыми впечатлениями.

– А вот и мы, – мои подруги по очереди целуют меня в щеку и усаживаются за стол. – Кажется, вечность прошла с того момента, как ты освободилась, – задорные рыжие кудри Лулу подпрыгивают от ее резких движений. – С таким же успехом могла бы спрятаться в пещере. Чем тебе не жизнь отшельника?

Полин одобрительно кивает, пока отщипывает от моего круассана кусочек. Хлопаю ее по руке и отнимаю свой обед.

– Я вам говорила, что подготовка к выставке отнимает очень много времени и сил, – неодобрительно шикаю я, когда Лулу делает тоже, что и Полин несколько минут назад. – Ты ведь на диете, выпечка не очень хорошо влияет на твою фигуру.

– Да, думаю, ей пора сесть на основательную диету. Она весь день сидит на кофе и сигаретах. Но как только сгущаются сумерки, жди беды. Лулу превращается в пожирателя всего, что есть в доме. Иногда я надеюсь, что ты забереешь ее на некоторое время к себе. Тем более что у тебя в холодильникемышь висит. Тем самым поможешь подругам, – она выразительно смотрит на меня, делаю вид, что ее намеки до меня не доходят.

Официант наклоняется к Лулу, она делает заказ за двоих, пока я отпиваю свой кофе.

– Что случилось с ее порывами похудеть? – наклоняюсь к Полин и шепчу ей на ухо.

– Дидье бросил ее, сказал, что все еще не готов к серьезным отношениям. Она ела всю ночь, – ошеломленно произносит она. – Я думала, ее вырвет от такого количества пищи. Но зато она не плакала, это ведь радует, да?

Прищуриваю один глаз и показываю двумя пальцами, примерно, насколько это хорошо. Мои подруги истинные парижанки, то есть, рожденные и выросшие. Менталитет совершенно отличается от обычной американской молодежи. Здесь нет этого: «Эй, детка, я трахну тебя в кузове пикапа», или «Ты офигенная телка». Просто тут так не разговаривают. Я научилась сдерживать свои выходки только спустя два года, хотя может этому поспособствовал не кто иной, как...

– Ты все еще одна? – Лулу, берет нетронутый мной круасан и жадно вгрызается в него. – Тот парень, как его? – она крутит указательным пальцем в воздухе, пока я наблюдаю за этими движениями.

– Алан? – подсказывает Полин, и я закатываю глаза. – Адам? – Господи, они сводят меня с ума.

– Андриан. Почему вы такие курицы? – возмущаюсь я. – Я всегда знаю, как звать ваших парней, но вы мало того, что постоянно приплетаете мне романы и сплетничаете между собой, так еще и коверкаете имена.

Я смеюсь, когда они начинают препираться друг с другом. Девчонки очень хорошие, но память у них, и, правда, куриная. Подумать только, за все эти три года мы ни разу еще не поругались. Они совершенно разные, даже внешне.

Лулу рыжая, ее нос покрыт крошечными веснушками, размер ее одежды неприлично обсуждать, назову ее пышечка. Ну, такая яркая бомбочка. Но это ничуть не делает ее уродливой, скорее аппетитной, округленной в нужных местах. Лулу работает флористом, и мне кажется, от нее всегда исходит цветочный аромат.

Полин же секс-символ, фитнес-леди, чокнутая любительница йоги и, ко всему прочему, мадмуазель-шикарный-пресс. Это роскошная обладательница копны черных волос и безумно красивых зеленых глаз. Все в ней идеально, даже рост.

Ну а я среди них маленькая пигалица, лишенная нормального веса и роста. Хотя теперь я обладаю аккуратной грудью второго размера. Возможно, помогла та мазь из слизи, которой я натирала свою грудь каждые два часа. А, может, восстановился гормональный фон. Не знаю, но я горжусь своими малышками.

– Ты трогаешь свои титьки, – громко произносит Лулу, и я начинаю оглядываться на окружающих. – Ты снова их гладишь. – Они смеются надо мной, а я не могу удержаться, чтобы не притронуться к единственной своей гордости.

Из меня вырывается смешок. Глупая ситуация, в которой я уже не первый раз оказываюсь.

– Так что случилось с тем парнем? – Полин барабанит по столу своими длинными красными ногтями. – Или он снова не дорос до мнимого идеала мужчины? Твой первый, кстати,

не объявился?

Моментально крещусь, еще не хватало, чтобы он приехал в Париж. Мое настроение мгновенно меняется, в чем-то они правы. Я все еще сравниваю ощущения. То, как я растворилась в его руках, как его дыхание действовало на меня, мгновенно посылая мурашки по коже. Что до остальных, они выглядели мальчишками с глупыми ухаживаниями. Энтони, конечно, не эталон, но пока я нахожусь в поиске претендента.

– Все банально, Адриан курит, как паровоз, дым от его сигарет мгновенно впитывается в мои вещи, и это меня раздражает, – неопределенно пожимаю плечами.

Они переглядываются между собой, словно знают особый секрет.

– До этого был слишком худой, слишком заносчивый и слишком... Просто они все слишком, так? – Полин убирает свой телефон в сумочку и смотрит на время. – Ты думала о том, что твои биологические часы просят член? Или это тоже слишком? В курсе, что скоро тебя накроет климакс, и ты превратишься в печеное сморщенное яблоко?

Сажусь, откинувшись на спинку стула, кладу ногу на ногу и жду, что же они еще придумают.

– Ты могла бы поехать к своему бывшему, ну, я не знаю, может он все еще тебя ждет, – Лулу вытирает салфеткой рот и вопросительно смотрит на меня.

Девочки просто не в курсе, какой он мудака и что сделал. Моя бы воля, я бы расчленила его и выбросила собакам, что-

бы грызли его вонючие кости. Утопила бы в ванне с позором. То, что я придумала для него, страшнее инквизиции, и появившись он здесь, думаю, смогла бы воплотить свой план в действие. Все приготовленное для него, нашло бы применение. Но для девочек у меня была красивая сказка о прекрасной ночи буквально с принцем. Не хотелось позориться историей про «пальцы».

– Я думаю, мне пора, – достаю из сумочки деньги, кладу их на стол и придавливаю блюдцем. – На следующей неделе у меня выставка, вы обе приглашены, – встаю из-за стола, наклоняюсь, чтобы поцеловать их на прощание. – Угощение и выпивка – всё как в лучших домах Парижа, – шучу я.

Девочки галдят, что я снова их бросаю. Но у меня действительно ещё не всё устроено для мероприятия. К тому же им не понять моего решения по использованию наследства, как я обошлась с тем, что осталось для меня. В общем, я поступила, верно, когда купила пустующий танцевальный зал. Окончив университет, я поняла, что бакалавра недостаточно, чтобы работать искусствоведам. А вкладывать в образование и жить на деньги, которые мне остались от моих родителей, было глупо. Я осталась бы с огромной дырой в кармане, но при этом с невероятным образованием. Мне хватило мозгов вложить их в искусство. Не Ван Гог, конечно, и не Лувр. Фотогалерея, выставка работ профессиональных фотографов, которые были рады воспользоваться такой возможностью.

Первая выставка привела ко мне интересных людей, амбициозных и талантливых. Их финансовые возможности вполне покрывали расходы за аренду моего помещения и работы, которую я делала для них. Благодаря своему образованию я знаю, что именно стоит выставлять, и будут ли интересоваться ценители.

Поэтому, едва смахнув слои пыли после вскрытия пола и снятия зеркал со стен, я принялась создавать свой шедевр, детище, которое будет отличаться от типичных фотогалерей Парижа. Это не были социально-политические выставки. Первое, естественно, асоциальное, для привлечения репортеров.

Я никогда не забуду тот день, когда Адриан, тот самый, о котором говорили девочки, пришел ко мне со словами: *«Ты просто обязана выставить фотографии обнажённых тел»*. Я доверяла его нюху, ведь он был напрямую задействован в связях с общественностью. А проще говоря, журналист пусть и маленькой газетенки, но шуму я наделала изрядно.

Я тогда словно застыла в одной позе с бокалом вина, остолбенела, пока люди прибывали один за другим, они задавали мне вопросы, а я стояла истуканом, отворачивала голову от особо назойливых, отходила в сторону. Когда мы подсчитали доход от проведенной выставки, мои эмоции невозможно было передать словами. Корин чуть было не оглохла, пока я визжала в смартфон о своем успехе. Этот день невозможно забыть. Я благодарна Адриану за поддержку, за то,

что он сделал для меня. Но быть вместе с ним нам не суждено, парень заиклен на сексе, чем и помог мне выбрать пусть скандальное, но приносящее доход направление.

На следующий день заголовки пестрили об эротической выставке, устроенной молодой американкой почему-то французского происхождения. Они копали под меня и сочиняли небылицы. Это было, с одной стороны, смешно, а с другой – противно. Столько грязи обо мне никогда не говорили за глаза, и я не думала произвести такой фурор.

Вторая выставка представляла работы уже другого профессионала, и я молилась, чтобы хоть один человек пришел. Но и здесь я напрасно переживала, люди в восторге от таких мероприятий, они приобретают прекрасные работы, а выставки расписаны на год вперед.

С этими мыслями я захожу в помещение моей галереи, вешаю на плечики бежевое пальто, чтобы заняться работой, которую я отложила. На ходу закручиваю волосы в небрежный пучок и затягиваю резинкой. Встаю на небольшой пьедестал, на котором стоит квадратный стол, и выставочные работы в рамках удобно прислонены сбоку. Включаю огромную лампу, беру первую работу и рассматриваю линии роскошного тела натурщицы. Есть в этом нечто манящее, волнение и легкость, шарм и сексуальность. Откладываю ее в определенную стопку и беру вторую, это работа напоминает мне Энтони... То, как он зажал меня около кухонного островка. Пара стоит лицом к лицу, крупным планом автор сконцентри-

ровался на их губах и шее. Тяжело сглатываю и убираю фотографию в сторону. Мне надо подумать, где ее разместить. Может быть в центральной части... Надо попросить негатив у автора работы, распечатать ее на весь экран, как рекламу.

Развожу уже приготовленные картины на тележке к стенам для того, чтобы развесить. Все фотографии черно-белые и отлично сочетаются с бордово-красными стенами. Они выделяются на фоне, привлекают внимание. Эдакий контраст, на котором я и планирую сыграть.

– Беатрис, приветствую, – мужской голос за моей спиной заставляет меня оглянуться, картина соскальзывает в сторону, и я немного приседаю. – Прости, что напугал. Ты решила работать без меня? Они слишком тяжелые для такой малышки, как ты.

Мой помощник Джекс обхватывает картину и выравнивает вместе со мной. Мы вдвоем постоянно находимся в галерее, у меня не хватает сил таскать эти огромные коробки, а ему все по плечу. Поэтому, однажды познакомившись, мы поняли, что наши отношения никогда не перейдут за грань дружеских, верней, в основном поняла я, потому что этот красивый парень гомосексуалист. А еще Джекс американец, он напоминает мне о доме, который я покинула. В общем, нам вместе очень комфортно, а не это ли главное?

– Это не проблема, я только подвезла тележку, тебе хватит работы, – пролезаю под его руками и иду к столу рассматривать, что еще мне принесли, и как это расположить.

Молча, Джекс развешивает под моим чутким руководством все, что я ему предоставила. Когда я отвлекаюсь, снова очарованная увиденным, он подходит сбоку очень близко и проводит пальцем по очертанию бедра девушки.

– Это должен быть успех. Ты обращала внимание, что в этой стране особое отношение к натуре? – он отходит от меня на шаг, я показываю ему, куда ее повесить, и с удовольствием обнаруживаю, что уже ничего не осталось.

Сажусь поверх стола и скрещиваю руки на груди. Хозяйским взглядом обвожу свое детище, то, насколько все гармонично сочетается и как в целом выглядит. Я горжусь собой, надеюсь, мои родители тоже.

– Ты извращенец, все-таки. Наверняка, в первый же парижский вечер ты, как и мужская часть туристов, пошел искать пикантные приключения, оценил на себе невероятные способности «жрецов любви». Романтизм города и прагматичный подход к удовлетворению сексуальных потребностей. Не так ли? – обращаюсь к нему, с улыбкой приподнимая брови. – Я до сих пор не понимаю, как в таком романтическом месте столько проституток?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.